

Эрих Керн

ДРУГОЕ ЛИДИЦЕ. ТРАГЕДИЯ СУДЕТСКИХ НЕМЦЕВ

Оригинал был опубликован издательством «Вельзермюль» (Welsermühl-Verlag), Вельс, в 1950 году.

Перевод с немецкого: Виталий Крюков, Киев, Украина, 2018 г.

Оригинал: Erich Kern, Das andere Lidice. Die Tragödie der Sudetendeutschen, 1950.

Эта интернет-версия была оцифрована в 2000 The Scriptorium.

<https://www.wintersonnenwende.com/scriptorium/deutsch/archiv/lidice/dal00.html>

Об авторе: Эрих Керн, настоящее имя Эрих Кнуд Кернмайр (родился 27 февраля 1906 года в Граце, умер 13 сентября 1991 года в Каммер-ам-Аттерзее), австрийский правый публицист и писатель.

Участник Второй мировой войны, военный корреспондент роты пропаганды Войск СС. Воевал на Восточном фронте в дивизии СС «Лейбштандарте Адольф Гитлер». В 1945 году имел звание унтерштурмфюрера СС. В 1945-1946 годах был в американском плену.

После освобождения из плена Керн занимался журналистской и писательской деятельностью. Его статьи много публиковались в газете Deutsche National-Zeitung. Он был редактором, а с 1955 по 1958 год – главным редактором «Немецкой солдатской газеты» (Deutsche Soldaten-Zeitung). Он также издавал несколько других праворадикальных газет и был активным членом нескольких крайне правых партий (SRP, NPD, DVU). Керн был автором многочисленных художественных и публицистических книг, в частности, популярных военных мемуаров «Das Grosse Rausch», которые были переведены на несколько языков, в т.ч. на английский («Dance of Death») и русский («Пляска смерти»).

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Вступительное замечание
2. Предисловие

Часть 1: Лидице

3. Чешское изображение Лидице
4. Немецкое изображение Лидице

Часть 2: Другое Лидице

5. Другое Лидице
6. Провергнутая ложь немецкого плана изгнания
7. Эмигранты с окровавленными руками
8. Свидетельство словаков
9. Нарушенное кладбищенское спокойствие
10. Чешские признания
11. Законная маскировка
12. Печальная роль коммунистов
13. Долгий путь к упадку

14. Исторический обман судетских немцев
15. Шабаш ведьм чешской внутренней политики
16. Мы вас прогнали, мы вас снова прогоним!
17. Тщетные надежды Бенеша
18. Чехи позорят Бенеша
19. Самая подлая ложь Бенеша
20. Страх народа-коллорациониста
21. Кровавая расправа в Ауссиге
22. 220 человек убиты – женщины как садисты
23. Мертвецы в отхожем месте
24. Человеческий ад
25. Расстрелянные по десять человек
26. Массовое убийство в Иглау
27. Чешский антикоммунист должен был пить кровь
28. Обожженный с помощью пропитанной бензином древесной шерсти
29. Массовые изнасилования в Зааце
30. Антифашисты и социал-демократы убиты
31. Жестокое обращение с антифашистами и жертвами политических преследований
32. Немецкие заключенные концлагерей избиты почти до смерти
33. Отобранное удостоверение антифашиста
34. Немецкие коммунисты дают показания, равносильные свидетельствам под присягой
35. Гестапо как капо
36. Социал-демократические антифашисты избиты почти до смерти
37. Полуеврейка ограблена
38. Немцы только как рабы
39. Социалисты избиты
40. Счет Лидице

Вступительное замечание

Эрих Керн написал «Другое Лидице» как сигнал тревоги, как призыв к совести мира против бесчисленных преступлений по отношению к незащищенным мужчинам, женщинам и детям в Чехословацкой республике. Так как до тех пор были опубликованы только фрагменты тех ужасных процессов, он хотел впервые дать законченное связное описание и анализ возникновения и причин этой драмы судетских немцев.

Эрих Керн – спорный автор. В одной стране его книги запрещены строжайшими судебными постановлениями, в другой стране они же являются бестселлерами. Его книги в первые годы после 1945 выходили в Швеции, в Швейцарии, в Австрии, Западной Германии, Турции и Англии. В настоящее время [т.е. в 1950; примечание Scriptorium] готовится издание его книг в Италии, Франции и США.

Как автор, Эрих Керн не любит и не хочет привлекать к себе сердца своих читателей с помощью лести. У него есть либо только враги, либо только друзья. Никто не остается нейтральным по отношению к его книгам. Вероятно, как раз это и есть самое большое уважение, которое проявляет общественность к его творчеству.

Международная пресса так оценивает Эриха Керна:

«Tiroler Nachrichten», Инсбрук, Австрия: «Эрих Керн, австрийский Ремарк».

«Vaterland», Люцерн, Швейцария: «Существует немного таких авторов как Эрих Керн, которые могут так человечно знакомить с мощными судьбоносными процессами и в то же время понимать эти процессы так критически и беспристрастно».

«Dolomiten», Боцен, Италия: «Эрих Керн разрывает кольцо клеветы и прокладывает путь правде, что служит сближению и умиротворению людей».

«Neue Heimat», Линц, Австрия: ««Другое Лидице» Эриха Керна взвешивает вину и искупление с беспощадной деловитостью».

«Echo der Woche», Мюнхен, Германия: «При чтении Эриха Керна можно четко заметить, как автор в его работе борется с пережитым им самим. Там есть все – от злосчастного воспоминания о сообщении РК (роты пропаганды) до мест, которые потрясают своей трагичностью по-деловому и человечно, и до сведений, которые в любом отношении заставляют прислушаться».

«Alpenruf», Грац, Австрия: «Тот, кто хотел бы найти у Эриха Керна громкие слова или, тем более, наслаждение славой, заблуждается. Все у него изображено просто и без приукрашиваний, но как раз поэтому написанное им захватывает и увлекает».

«Neue Politik», Цюрих, Швейцария: «Из Эриха Керна говорит самый лучший солдатский дух».

«Ulus», Анкара, Турция: «Произведения Эриха Керна следовало бы перевести на турецкий язык, так как их неистощимое содержание обладает самым большим значением не только для сегодняшнего поколения, но и для будущих поколений турецкой нации».

«Salzburger Nachrichten», Зальцбург, Австрия: «Творчество Эриха Керна остается достойным одобрения, не только по той причине, что, наконец, начинает высказываться солдат, но и потому, что он помогает прояснить понятия, несколько облегчает чашу весов оскорблений в пользу справедливости. Творчество Эриха Керна достойно одобрения также потому, что, очевидно, время молчания и страдания, кажется, проходит, и тот, кто был растоптан, снова поднимается, чтобы защитить себя».

«Freie Stimmen», Линц, Австрия: «С Эрихом Керном пропагандистское окружение немецкого народа вообще и немецких фронтовиков в частности было прорвано и освобожден путь для исторического показа развития событий».

«Ostschweizer Abendblatt», Санкт-Галлен, Швейцария: «Керн также ставит вопрос о немецкой вине – действительно с честью и позицией, и он показывает, что обобщение немецких заблуждений неуместно и в значительной степени не может быть свалено на исполняющего свой долг солдата, как и на немецкий народ вообще».

«Neuland», Зальцбург, Австрия: ««Другое Лидице» Эриха Керна – это пламенное обвинение против варварства и мужественное признание правды. Эту книгу стоило бы прочесть каждому честно думающему человеку. Это документ нашего жестокого времени, который нельзя было бы написать в более волнующем духе».

Предисловие

С боевым кличем «Pravda vitezi!» – «Правда побеждает!» – Томаш Масарик и его соратники возглавили борьбу за права чешского национализма. Эти слова с ликованием сопровождали похороны последней австро-венгерской монархии. С этими словами, наконец, был подготовлен ад в Судетах для миллионов беспомощных и незащищенных людей. Для этой книги нельзя подобрать лучшего девиза, чем этот последний боевой призыв чешских шовинистов:

«Правда побеждает!»

Но объективная правда, неподкупная и свободная от влияния всех шовинистических чувств правда действительности.

Оккупация чешских областей ЧСР Адольфом Гитлером была явным, даже сенсационным разрывом с идеей освобождения и объединения всех немцев. В первый раз большая немецкая империя поглотила иноязычную нацию с применением жеста силы. Реакция мира на это нарушение международного права была исключительно суровой; она, в конце концов, привела к войне.

Чешские полицейские «после этого» очень весело могли и дальше нести свою службу.

(Фотография взята из книги «Присоединение Судет в 1938 году. Новейшая история в иллюстрациях» Составлена Райнхардом Поцорни. Издательство Druffel, Леони на Штарнбергском озере, 1988. стр. 141).

Тем не менее, реакция в чешском государстве и чешском народе была исключительно мирной, если не считать нескольких едва ли достойных упоминания исключений. Вряд ли прозвучал хоть один выстрел. Нигде не было боев или

значительных демонстраций. Не происходило никаких всеобщих забастовок. Захват «Чехословакии» прошел как плановый маневр.

Чешский народ, пожалуй, самый умный член славянской семьи народов, никогда еще в своей истории не подчинялся так беспрекословно чужой власти, как это случилось на сей раз.

Чешская промышленность очень быстро стала одной из самых важных оружейных кузниц гитлеровской Германии. Чешские рабочие и служащие так же, как и чешские предприниматели, исключительно хорошо зарабатывали на подготовке Гитлера к войне и на самой войне. Австрийский министр внутренних дел Хельмер однозначно показал этот факт в своих выступлениях в Санкт-Пёльтене и Мельке в феврале 1949 года и также не опроверг позднее свои слова вопреки чешским протестам. Он дал свой ответ чехам в интервью американскому агентству «Ассошиэйтед Пресс»: «Мои заявления о значительной помощи оружием, которую предоставляли Гитлеру ЧСР, Венгрия и ряд других государств во время войны, основываются на неопровержимых фактах, и у меня нет причин взять обратно хотя бы одно слово из моих высказываний!»

Чем выше поднимался при Гитлере уровень жизни чехов, тем слабее становилась воля сопротивления против немцев. Гитлер не призывал чехов на военную службу. В противоположность судетским немцам, которые должны были заплатить невероятно высокую цену кровью, чехи пользовались только экономическими выгодами немецких военных усилий. Их национальная автономия едва ли нарушалась. Чешские учителя продолжали преподавать в чешских школах, чешские деятели искусств и дальше создавали чешскую музыку и чешскую литературу. Над страной по-прежнему развевалось, вопреки нарушению Гитлером международного права, чешское знамя. Чешская полиция заботилась о спокойствии и порядке, хотя это и была оккупированная Гитлером страна.

Только покушение на Рейнхарда Гейдриха, которое было почти единственным актом сопротивления и вызвало кровавую немецкую реакцию в Лидице, нарушило мир. Но ни в коем случае не произошло так, что это где-нибудь поставило бы под угрозу производство вооружения и снабжение гитлеровской оккупации. Тем более непонятно то ужасное преступление, которое совершил чешский народ по отношению к не оказывавшим сопротивления немцам после тотальной капитуляции.

Жертвами этих зверств были в подавляющем большинстве немцы, которые не имели отношения к политике и частично даже были антифашистами. Политические активисты после призыва их руководства в большинстве своем бежали еще до тотальной капитуляции. (Однако мир молчит об этом). В то время как редакции по ту и по эту сторону океана посвящали целые страницы своих

газет достойным сожаления жертвам Лидице, миллионы убитых и изгнанных после 8 мая 1945 года немцев не существуют для большого мира.

Нынешний заместитель премьер-министра Восточной Германии господин Вальтер Ульбрихт даже заявил во время своего официального визита в Прагу в июне 1950 года, что «возвращение» немцев из Чехословакии справедливо, неизменно и окончательно.

Если дошло до того, что немецкий министр коммунистического происхождения одобряет массовое убийство 800 000 судетских немцев, лишения, истязания и изгнание трех миллионов судетских немцев, то правду необходимо наглядно показать миру.

Ибо правда должна оставаться правдой.

Поэтому я, твердо веря в то, что мы все должны служить только одному: правде, пусть даже она вызывает у нас боль или не приносит нам самим никакой пользы, попытался, действуя из самых лучших побуждений, представить миру «другое Лидице».

Это «другое Лидице» настолько ужасно и страшно, что не может быть человеческой силы, которая действительно смогла бы отдать должное этой драме. Поэтому эта книга – только попытка разорвать железный занавес молчания, который опустился над братской могилой людей и скрывает бесчисленные преступления, произошедшие лишь потому, что несчастные жертвы были когда-то рождены немецкой матерью.

Необходимо мужество, чтобы посмотреть правде в глаза. Но то, что устраивало мир до 1945 года, то после 1945 стало для мира еще более дешевым.

Э.К.

Часть 1: Лидице

Чешское изображение Лидице

Источник: Cyril Merhaut, «Liditz», опубликовано в августе 1945, Kalendar ceskeho lidu, в 1946, Vimperk, Sumava, стр. 74-77. («Календарь чешского народа», 1946, Винтерберг, Богемский лес)

«Историческое преступление в Лидице».

Когда 27 мая 1942 в пражском районе Либень было совершено покушение на нацистского убийцу Гейдриха, который в результате этого ранения умер 4 июня, подлый преступник К. Г. Франк принял решение совершить самое большое зверство в какой-нибудь деревне поблизости от Праги и Кладно. Выбран был поселок шахтеров и металлургов Лидице, в котором не жил ни один немец. 9 июня, когда Гестапо еще не нашло следов тех лиц, которые совершили покушение в Либене, нацисты начали планомерную акцию с целью искоренения жителей Лидице и уничтожения поселка.

Причиной этого преступления было только то, что два коренных жителя Лидице, Йозеф Горак и Йозеф Стржибрный, были солдатами чехословацкой армии за границей. Оба не имели никакого отношения к покушению на Гейдриха. У фабриканта Палы в Шлане (Слане) была некрасивая привычка открывать почту его служащих. После покушения он прочел адресованное его работнице Анне Марузсак письмо: «Дорогая Аннушка, прости, что я пишу тебе так поздно и, вероятно, ты поймешь меня, у меня много работы и забот. То, что я должен был сделать, я сделал. В тот роковой день я спал где-то на Чабарне (очевидно, какой-то район – прим. перев.). Я здоров! До свидания на этой неделе, и потом мы больше не увидимся снова. – Милан». Пала передал это письмо жандармерии и добился того, что оно было переслано Гестапо. Гестаповец из Кладно Томпсен арестовал в Чабарне 40 человек и еще 15 человек из семей упомянутых выше двух наших находящихся за границей солдат в Лидице. Это было 4 июня, и 9 июня произошло новое нападение гестаповцев на Лидице. Кирил Мерхаут пишет в своей брошюре 'Liditz' (август 1945) об этом историческом преступлении:

«Центром акции был пока пост жандармерии в Буштеграде. Там было уже примерно 30 гестаповцев, эсэсовцев и похожих чудовищ; к ним добавился обервахмистр Бабурек, который вернулся на велосипеде из Выпиха, он заметил там Висманна, Томпсена и других, и когда он спросил, что случилось, никто ему не ответил. Через некоторое время его отослали в соседнюю комнату. Там, однако – на стене рядом с дверью был телефон – он слышал, как офицер внутри взволнованно передавал по телефону в Прагу, преимущественно, чтобы вызвать две походные кухни и взвод пожарных. Было слышно, как он

потом позвонил и сказал: 'По приказу фюрера из общины Лидиц эвакуируются женщины и дети, мужчины старше 15 лет будут расстреляны на месте, а поселок в конце концов будет сожжен'. С ужасом Бабурек услышал эту беседу, его жена упала в обморок. В комнату ворвался гестаповец, который ударил Бабурека, бросил его на пол, бил ногами и угрожал ему, что его расстреляют, если он кому-то расскажет об услышанном или покинет помещение. Около девяти часов вечера гестаповцы покинули пост жандармерии и оставили только троих как связных с преступниками Лидице.

Между тем поселок был окружен войсками из Шлана, откуда солдаты были доставлены грузовиками, которые должны были предоставить им на время местные предприниматели (2 Ярослав Фишер).

Солдаты находились на удалении нескольких шагов друг от друга. В деревню они никого не впускали, из деревни никого не выпускали. Один двенадцатилетний мальчик хотел убежать, солдат застрелил его; одна женщина хотела убежать, выстрел в спину помешал ее бегству. На поле ее труп нашли только после сбора урожая.

Гестаповцы и эсэсовцы (по-чешски их называли 'esesmanni') согнали женщин и детей в школу. Здесь, в помещениях, где когда-то директор школы Адольф Отоманский наглядно показывал им печальные мгновения чешской истории, эти женщины своим присутствием начали теперь одну из самых печальных глав чешской истории, и начали свое трагическое паломничество. Они еще не догадывались, какой ужас в это мгновение открывал ворота к печали и горю. Они должны были отдать свое золото, деньги и ценности палачам, вынуждены были слышать плач детей, звавших своих отцов, со страхом они ожидали рассвета, когда их отвезли в спортзал школы в Кладно.

Утром 10 июня 1942 года начался черный, последний день старого поселка Лидице и его жителей.

Мужчины были заперты в подвале, в амбаре и в свинарнике поместья Горака; еще раньше они должны были отдать драгоценности, деньги, сберегательные книжки и все ценности гестаповцам, и теперь ожидали свою печальную судьбу, которую они предвидели. 73-летний священник Штемберка укреплял их словом Бога. Сообщениям, что они якобы обещали ему свободный уход, когда он сообщил им приговор, я не верю. Несомненно только то, что некоторые не позволили казнить себя как овец, что они схватили мотыги и оружие и убили или ранили нескольких немцев, которым тогда врачи из окрестностей должны были оказывать медицинскую помощь.

Уже в половине четвертого из Праги прибыл печально известный взвод палачей из 30 человек, в большинстве в зеленой форме, но также и в других пестрых цветах. Он начал свою жестокую работу еще до семи часов утра, когда

уже прибыл и К. Г. Франк. Франк вышел из машины, о его прибытии доложили подполковнику жандармерии Виту. Франк повернулся к группе жандармов из Буштеграда, у которых было здесь задание подсчитывать автомобили с вывозимыми из общины вещами, такими как машины, велосипеды и др. и воскликнул: «Продолжайте работать!» (вероятно: «Продолжайте!» – прим. перев.). Затем он сообщил Виту, что никто из жандармов не имеет права кому-либо рассказывать что-то о том, что произошло в Лидице, в противном случае он будет расстрелян. Первый домик на улице был занят Гестапо, колонне, идущей на казнь, Висманн перед этим сообщил, что то, что должно произойти с жителями и поселком, происходило по воле фюрера, и что они должны были выполнить эту волю послушно. И они это сделали!

Из поместья Горака (номер 13) мужчин по десять человек выводили в сад за амбаром, и немецкие убийцы стреляли в беззащитных граждан. Это было убийство без правовой основы и без причины, это была насмешка над правосудием, даже военное положение в военное время не признало бы обоснования для похожего действия: здесь преобладали воля и культура гангстеров. Немцы сами составили список убитых и указали их число – 174 человека. Однако это не исключает, что их количество было выше. Следующие исследования добавят к их списку, вероятно, еще следующие имена. Старые рода Лидице пали здесь на своей родной земле, в списке есть такие имена, как Ружичка, Подземский, Коваровский, Ракош, Подгора, Студница, Шилган, Тыбл, Гроник, Стржибрный, Зеленка, Хейма, Посписил, Радоста, Жид, Крунт, Сухый, Зенфельдер и многие другие, которые были убиты без вины и заплатили кровавую дань, и которых чешский народ с честью причисляет к своим мученикам.

Как уже говорилось, число 174 взято из немецкого документа от 11 декабря 1942.

Один из гестаповцев называл цифру 184, скромный бездельник Франк сообщал только о 86. Хотя это и будет трудно, но точное число можно будет определить с помощью тщательных исследований.

Так же время казней из одного признания определяется между 7 и 16 часами, но, по другому сообщению, все было закончено уже через час. Однако в этом можно сомневаться. Есть также информация, что после расстрела первых обеих групп много мужчин выбили ворота амбара, выбежали во двор поместья Студница, и там немцы открыли огонь из пулеметов по массе мужчин Лидице, и произошли рукопашные схватки с немецкими солдатами, из которых некоторые погибли и другие были ранены. Правдиво сообщение о том, что тех, которые еще шевелились, добивали из револьверов.

Если мы просмотрим список погибших, как его составили немцы, то среди погибших было 113 рабочих (преимущественно шахтеров и металлургов), 18

крестьян, 9 пенсионеров, 11 ремесленников и коммерсантов, 3 служащих, 1 учитель, 1 мельник, 1 управляющий имением, 1 редактор (пани Кубик), 1 строитель-прораб, 1 могильщик, 1 охранник, 1 управляющий складом, 2 шофера, 2 студента; из семьи Гроник 5 мужчин были убиты.

Самыми старыми из погибших были:

пани Гейна (род. в 1861), священник Йозеф Штемберка (1869), В. Чермак (1876), Венцель (Вацлав) Кубела (1872), Готтлиб Студницка (1879), Йозеф Тыбл (1878), Венцель Нехватал (1873), пани Радоста (1871), Ян Збройка (1879), Ян Жид (1878).

Мальчики, родившиеся уже во время Чехословацкой республики: Йозеф Рамес (род. в 1924), Карел Стржибрный (1925), Ярослав Гроник (1924), Йозеф Коваровский (1924), Мирослав Мюллер (1921), Венцель Вандрле (1924), Йозеф Змешкал (1923), Венцель Карник (1926). Некоторых из самых младших, в возрасте от 14 до 18 лет, немцы не включали в свой список, вероятно потому, что у них не было имущества.

Среди убитых был один русский, Василий Генералов, рабочий, родившийся 28 февраля 1889 в Василовце; это значит, что могила в Лидице – чешско-русская.

С утра до 16 часов продолжались убийства, в ходе которого трое палачей сменились из-за усталости. От них сбежал мельник Лишка, который сам повесился, от них ускользнул Тыбл, который спрятался в камине и задохнулся там, от них не ускользнули те шахтеры, которые в среду в первой половине дня вернулись из Полди к своим семьям и которых из-за их тревоги о семьях нельзя было уговорить не возвращаться в Лидице, и подобным образом во второй половине дня еще шестеро других.

Между тем примерно в семь часов утра была зажжена первая усадьба Гейны по направлению к Гостоуну, и затем одно здание горело за другим. Гестаповец Влчек принес две бочки с бензином, и перед каждым домом он выливал чан горючего, чтобы разжечь пожар.

11 июня прибыли двадцать евреев из Терезиенштадта, которые под надзором коменданта концентрационного лагеря доктора Зайдля должны были сначала выкопать яму 12х9 м и глубиной 4 м, и затем бросать туда мертвецов, сначала рядом друг с другом, а позже просто одного на другого. Работа продолжалась 36 часов, в ходе ее могильщиков подгоняли и подстегивали плетками, ночью они освещали свое место работы с помощью подожженной кучи дверей, шкафов и других деревянных вещей из домов. С гестаповцем Гюнтером приехала для проверки еще какая-то большая шишка, и рассказывали, будто бы это снова был Франк. Могильщиков заставляли снимать лучшую обувь и одежду с трупов и складывать ее, так же и содержимое карманов, деньги из которых Зайдль забирал себе.

Между тем гестаповцы и солдаты наелись и напились до неменяемого состояния, из продуктов, которые они украли в поселке. Наконец мертвые тела были закиданы известью, дождь увлажнял их, и кутилы приказали бросить в могилу еще двух застреленных собак. Все ценное из деревни было вывезено.

(Примечание Scriptorium 1)

Воровские руки гестаповцев жадно набросились на имущество, которое осталось в квартирах, но Франк отдал приказ о том, что все должно было быть уничтожено на месте. Они снова выбросили много вещей, но после его ухода они опять начали грабить.

Между тем после увода скота также начали увозить сельскохозяйственный инвентарь и мебель на Буштеградском дворе под надзором жандармерии. Горожане отказались покупать их. В четверг, 12 июня, немецкие саперы просверлили стены церкви для заряда взрывчатки, штабсвахмистр Ян Страд, который был дежурным связным, должен был снова звонить в Гестапо из Кладно, чтобы они проследили за уничтожением старинной церкви. Намерение носителей немецкой культуры удалось в полной степени. Только обугленные несущие стены оставались от нее еще некоторое время, но и они были снесены, чтобы сравнялись с землей памятные места, где сельские жители были крещены на протяжении веков, где они заключали свои браки и под звон колоколов сопровождались в последний путь к могиле. Юлиус Рихтер, который был занят на Буштеградском дворе и работал в Лидице во время вывоза, спас для нас ключ от церкви, а также другая мелочь была спасена другими.

Злая судьба концентрационных лагерей ожидала женщин. Уже в пятницу после жестокой среды их разделили с их детьми, и началось мучительное путешествие. Их даже не оставляли вместе. Большинство их было отправлено в Равенсбрюк (195), некоторые более молодые в Бранденбург, наконец, примерно 40 в Освенцим. Из этих людей русские еще спасли двоих.

Некоторые десятки (дословно и ошибочно переведено: nekolik desitek – несколько десятков – это может быть от 20 до 100 человек или еще больше. – прим. перев.) из них вернулись, но сколько же их осталось там! Они жили в постоянном унижении их человеческого достоинства, на тяжелой работе, под ударами и оскорблениями. Долго они не знали, что их отцы, сыновья и мужья мертвы; одна еще годом позже писала своей сестре в Тухмериц, чтобы та прислала ей чистое белье, оно, мол, лежит в шкафу, а ключ – в ночной тумбочке. Несколько женщин, которые возвращались пешком из Равенсбрюка, встретились с русскими, которые дали им достаточно еды. Тем не менее, первое мясо никто из них не смог есть. Русские добросовестно заботились о них. Когда они только сейчас в июне приехали в Богумин, они впервые узнали, что их мужья мертвы. Они вздыхали и говорили, что если бы они знали об этом в концентрационном лагере, то они покончили бы с собой, но мысли о семьях, о родине

и возвращении домой укрепляли их. Даже если они вступают в более счастливую жизнь, никто не заменит им их боль и потери, которые причинили им жестокие убийцы.

Самую большую озабоченность всегда вызывала судьба детей из Лидице. Все же, семеро самых маленьких, младше одного года, были отданы дедушкам и бабушкам, хотя сомнительно, что это были все малыши. При погрузке в машины некоторых детей бесцеремонно бросали в машину. Тем, которых привезли в детскую больницу в Прагу, на маленьких ручках выжигались номера, и им давались другие, немецкие имена, чтобы чешское происхождение пропало и еще слабые воспоминания о чешской родине. Куда были угнаны эти дети, до сих пор еще не выяснено».

Немецкое изображение Лидице

Источники: DNB (Немецкое информационное бюро), 19.06.1942.

«Архив современности» от 21.09.1942.

DNB, 19 июня 1942:

«Убийцы заместителя Рейхспротектора и обергруппенфюрера СС и генерала полиции Гейдриха были на основании обширных расследований управления государственной полиции Праги утром 18 июня обнаружены в одной пражской церкви, в которой они прятались долгое время, и застрелены при аресте. При этом одновременно удалось обезвредить ближайший круг их помощников. Все участники – чехи, которые были сброшены с британских самолетов для осуществления покушения в Протекторате.

Рейхсфюрер СС и шеф Немецкой полиции после окончания основного расследования сообщил следующее о более детальных обстоятельствах поимки убийц: Покушение на обергруппенфюрера СС Гейдриха было, как уже было объявлено прежде, осуществлено двумя мужчинами, из которых один бросил бомбу, а другой попытался стрелять из английского пистолета-пулемета. Обширные расследования государственной полиции, в частности, на основании оставленных на месте покушения или выброшенных во время бегства орудий убийства позволили установить, что преступниками были следующие люди:

1. Ян Кубиш, родившийся 24 июня 1913 в Унтер-Виллимовиц, округ Требиш (родители: Франтишек и Кристина Кубиш, урожденная Мыксышка, проживающая в Унтер-Виллимовиц, номер 71, почта Липник), бывший командир взвода бывшего чехословацкого пехотного полка № 34, впоследствии фермер в Унтер-Виллимовиц, – бросивший бомбу.

2. Йозеф Габчик, родившийся 8 апреля 1912 в Полушич, округ Зилляйн (родители: Фердинанд и Мария Габчик, урожденная Беранек), бывший командир взвода бывшего чехословацкого пехотного полка № 14, впоследствии управляющий складом химической фабрики в Зилляйне, – стрелявший из пистолета-пулемета.

После образования Протектората оба эмигрировали разными путями в Англию, где Бенеш предоставил их в распоряжение англичанам для обучения в качестве агентов-парашютистов для диверсионных и террористических актов. Снабженные частично также найденными на месте происшествия орудиями убийства и получившие категорический приказ об осуществлении покушения на обергруппенфюрера СС Гейдриха, они в ночь на 19 декабря 1941 были сброшены с парашютами вблизи города Пильзен с британского бомбардировщика дальнего действия. Из того же самого самолета вблизи от Подебрада были высажены следующие сообщники, в том числе также уже ставший известным благодаря объявлению о розыске и также застреленный 18 июня Йозеф Валчик, родившийся 2 ноября 1914 в Смолине, район Унгариш-Брод (родители: Ян и Вероника Валчик, урожденная Бетикора, место жительства Смолин, номер 16), бывший командир взвода бывшего чехословацкого пехотного полка № 22, впоследствии помощник дубильщика в Батове у Злина. Высаженные в обоих местах агенты нашли убежище и помощь у различных чешских семей и установили связь со следующими точно так же высаженными с британских самолетов чешскими агентами. Как показало расследование, покушение впоследствии планомерно готовилось с помощью арестованных к настоящему времени чешских кругов населения, и было осуществлено 27 мая 1942 уже объявленным официально способом. После того, как очень многочисленные свидетельские показания чешского населения дали частично ценные указания следов, Тайная государственная полиция в Праге в ходе последующего расследования определила первые положительные основания для пребывания убийц в течение 17 июня 1942. С помощью чешских агентов-парашютистов, которые сдались добровольно, было определено их местопребывание в церкви Карла Борromeо (Собор Кирилла и Мефодия) в Праге II, переулок Ресель. Здесь их с момента покушения вместе с другими агентами-парашютистами прятали арестованные к тому времени священники этой церкви. В первые утренние часы 18 июня 1942 началась операция управления государственной полиции Праги. Убийцы, которые по-настоящему окопались в церкви, пытались оказывать активное сопротивление, применяя пистолеты и ручные гранаты. Для преодоления этого сопротивления участвующее в операции подразделение Войск СС применило ручные гранаты и убило некоторых террористов, в том числе также обоих убийц. Среди убитых был, кроме выше-названных, еще лейтенант бывшего чехословацкого горнопехотного полка № 2 Адольф Опалко, родившийся 4 января 1915 в Рошице. Назначенное Германским имперским правительством вознаграждение в сумме одного миллиона имперских марок и еще один назначенный правительством Протектората один

миллион имперских марок будут в течение ближайших дней выплачены многочисленным чешским помощникам, оказавшим содействие в розыске преступников, в качестве благодарности и признания».

«Архив современности» от 21 сентября 1942, стр. 5639:

«В. Германия. Протекторат Богемии и Моравии. Правительство в изгнании (бывшей) Чехословакии.

10 июня в газете «Прага» было официально объявлено следующее, как мы сообщаем дополнительно:

В ходе преследования убийц обергруппенфюрера СС Гейдриха (5514 С) были обнаружены безупречные указания на то, что население поселка Лидице близ Кладно оказывало поддержку и помощь упомянутому кругу преступников. Соответствующие доказательства были добыты вопреки опросу без помощи местных жителей. Проявленное тем самым отношение к покушению еще более подчеркивается следующими враждебными Рейху действиями, как находки антигосударственных печатных произведений, тайников с оружием и боеприпасами, обнаружение нелегальной радиостанции, а также подконтрольных товаров в большем размере и тем фактом, что местные жители состоят на активной службе врага за границей. После того, как жители этой деревни своей деятельностью и поддержкой убийц обергруппенфюрера СС Гейдриха самым серьезным образом нарушили изданные законы, взрослые мужчины были расстреляны, женщины отправлены в концентрационный лагерь, а дети переданы для подходящего воспитания. Здания поселка были сравнены с землей, и имя общины было стерто».

* * * *

Мы сегодня еще не можем объективно проверить немецкое и чешское изображение катастрофических событий в Лидице. Правда, вероятно, как это всегда бывает в жизни, окажется где-то посередине.

Это будет так, что в Лидице действительно были заговорщики и соучастники покушения на Рейнхарда Гейдриха. Несомненно, однако, и то, что преобладающее большинство населения было невиновно, и с ними поступили негуманно и жестоко.

Из обоих сообщений достоверно следует, что лишь малая часть чешских эмигрантов подготовила и осуществила это демонстративное покушение. Мотивы, которые привели к покушению, ясны. Чешский народ в своем подавляющем большинстве смирился с противозаконным [? прим. Scriptorium] немецким ре-

жимом и начал хорошо чувствовать себя в роли хорошо зарабатывающего коллаборациониста. Чтобы прервать этот процесс и принудить чехов осуществлять более радикальные мероприятия, было планомерно подготовлено и осуществлено покушение на Гейдриха.

Подстрекатели покушения, несомненно, заранее рассчитывали на жесткую реакцию немецких оккупационных властей, которая, со своей стороны, должна была после этого вызвать тяжелую ответную реакцию уже среди чехов, которые в своей массе не хотели ничего большего, кроме как хорошо зарабатывать и спокойно жить.

Однако эти подстрекатели просчитались. Пожалуй, немцы отреагировали именно так, как те ожидали, но совсем не так отреагировал чешский народ.

Он и дальше поддерживал порядок, он сохранял спокойствие и продолжал работать на немецких фабриках по производству вооружения и помогать работе военной машины Гитлера лучше и вернее, чем любой другой оккупированный народ.

И он и дальше зарабатывал. Гораздо лучше, чем когда-либо раньше. Тем более непостижимо все то, что случилось потом.

Часть 2: Другое Лидице

Начался май 1945 года. Тотальная капитуляция гросс-адмирала Дёница закончила то мучительное состояние, в котором печальные остатки немецкого Вермахта пребывали в течение последних месяцев. Смерти солдат в безнадежной борьбе прекратились.

Офицеры и солдаты, которые совершили этот конец с буквальной истерией, еще не догадывались, что должна была начаться намного более страшная смерть. В последнюю ночь этих ночей еще раз вспыхнул огонь из всех стволов. Еще раз дивизии востока, в испуге очнувшиеся от своего опьянения победой, в ужасе отошли назад. Но затем скудные остатки складов горючего и боеприпасов взлетели в воздух. Пулеметы и автоматы, винтовки и оснащение разбивались и уничтожались с фанатичным усердием. Сигнальные ракеты с синим, красным, желтым и зеленым светом шипели в ночном небе. Но они не звали подкреплений, не объявляли о победе или поражении. Они сигнализировали о приближающейся смерти.

Миллионы остались на полях сражений, миллионы погибли ужасной смертью в уничтоженных бомбежками городах. Миллионы на всю оставшуюся жизнь остались больными и беспомощными инвалидами.

Неудивительно, что те, которые остались, вопреки всем заботам и вопросам о том, что им теперь предстоит, со смехом обнимали друг друга и радовались только одному: тому, что они остались живы. У них не было нечистой совести. По крайней мере, их совесть была не хуже, чем та, которая должна была быть у американских, французских, английских и русских солдат и офицеров. Теперь они так же мало боялись мира, как они боялись войны. Они раньше не предвидели, какой была бы война. И теперь они не предвидели, что еще ожидало их в мирное время.

И это было хорошо. Так как в противном случае каждый дом действительно стал бы бункером и каждая деревня крепостью, и каждый город превратился бы в «линию Мажино», как того требовали фанатики.

Произошло иначе.

Едва немецкие солдаты в доверии к международному военному праву сложили оружие, как буря зверств и преступлений обрушилась на беззащитный немецкий народ на востоке, такая буря, которой до тех пор еще не знала всемирная история.

Венгерский полуеврей Шандор Ковач, который незадолго до окончания войны был в концлагере и во время своего возвращения домой в Будапешт проходил через Прагу, свидетельствовал под протокол:

«В гитлеровском концлагере я видел вещи, о которых я никогда бы не подумал, что одни люди могли их причинять другим людям. Но когда в мае 1945 я на обратном пути на мою родину с удивлением наблюдал в Праге вспышку чешского безумия, я испытал такой ад человеческого убожества и морального падения, в сравнении с которым мое пребывание в концлагере показалось бы почти отдыхом. Женщин и детей поливали керосином и сжигали заживо, мужчин убивали с невообразимыми мучениями. При этом мне придется с уверенностью констатировать, что в этих преступлениях участвовало все население, не только обычный сброд. Я видел очень элегантных молодых чешек, которые, вероятно, еще недавно флиртовали с немецкими офицерами, и которые бежали теперь с револьверами и плетками для собак по улицам и мучили и убивали людей. Я видел, как очевидно высокопоставленные чешские чиновники вместе с чешским уличным сбродом с радостным воем насиловали и самым мучительным образом убивали женщин. Я боялся, и я боюсь нового немецкого пробуждения. Так как то, что произошло с немцами, неопишимо!»

Отец Ф. Дж. Райхенбергер, ныне американский гражданин, который как римско-католический священник был одной из самых сильных личностей судетско-немецкой общественной жизни и в гитлеровское время являлся открытым противником гитлеровского низкопоклонства, опубликовал 6.2.1949 в еженедельнике «Neue Heimat» («Новая родина»), Линц, следующее сообщение:

Одна женщина-врач описывала чешскую жестокость:

«Как бывший главный врач чешского концентрационного лагеря Оломоуц-Годоланы (ранее Ольмюц-Ходоляйн) я под протокол свидетельствую о следующем: В лагере находились, например, англичанин Фредерик Трейхорн, прежде лесничий у немецкого аристократа в Северной Моравии, немецкая еврейка Штернборг с ее страдающей опасным заболеванием сердца дочерью из Ольмюца, немецкий полуеврей Шин из Намьеста, который много лет был в Бухенвальде, где он был интернирован как еврей и теперь сидел в лагере у нас, по той причине, что он немец, две цыганки из Флоридсдорфа под Веной, которые были арестованы, когда они возвращались из трудового лагеря около Берлина в Прерау, после чего их голыми прогнали через весь город, а затем отправили в Годоланы. Активные коммунистические немецкие рабочие, которые остались верными своим убеждениям также во время национал-социализма, Т. Алоиз из Домштадля, М. Отто и В. Флориан из Бэрна, не говоря уже о многочисленных детях, единственное преступление которых состояло в том, что они родились немцами.

Лагерь состоял из 13 бараков, из них девять были заняты интернированными. Один барак был рассчитан обычно на 80 человек. Тем не менее, общее количество заключенных у нас варьировалось между 2800 и максимум 3200 – это были не осужденные, а только временно интернированные люди. Они все, мужчины, женщины и дети, лежали на голом полу. Большею частью людей прямо с улицы загоняли в лагерь. Только с февраля 1946 года начали ставить деревянные кровати с соломенными тюфяками. До того же момента люди были без кусочка мыла, они так работали и спали 10 месяцев в одном и том же белье, в одном и том же костюме, пока все на них не превращалось в лохмотья.

(Примечание Scriptorium 2)

Лишь потом было дано разрешение на получение посылок из дома.

Только в ноябре 1945 года, когда весь лагерь уже кишел клопами и вшами, после моих продолжительных требований руководство лагеря провело дезинфекцию. Во время проходящей теперь дезинфекции люди должны были ждать своей одежды нагишом, так как у них не было ни смены одежды, ни смены белья. В течение суровых зимних месяцев на одну печь выделялось в день всего 5 килограммов угля, ничто, если учесть, что люди спали на голом полу. Еда при самой тяжелой работе продолжительностью от 12 до 14 часов состояла утром из кофе без сахара и 150 граммов хлеба, вечером из картофельного супа или жидкого супа из концентрата и снова 150 граммов хлеба. Для оставшихся в лагере нетрудоспособных и больных людей в полдень также выдавался суп. Среднее число калорий: от 500 до 600.

При доставке в лагерь у людей отнималось все, просто все, представлявшее еще хоть какую-то ценность. У людей в очках ударами кулаков разбивали очки. Их топтали ногами, били, заставляли делать приседания, пока они не падали от изнеможения. Туалеты после десяти часов вечера не разрешалось использовать, что было издевательством, особенно жестоким по той причине, что все страдали от сильной диареи. Так как «побудка» была уже в 3.30 утра, нельзя было говорить о ночном покое. Ибо часто пьяные охранники ради забавы будили смертельно усталых людей часто еще до двух часов ночи, причем нужно было стоять смирно и докладывать о построении. По неестественным причинам в целом из 17 000 человек, которые прошли через лагерь, умерло 2000. Я приведу только несколько случаев, когда смерть жертв мне особенно запомнилась. Приведенное ниже может в любое время быть подтверждено с указанием полных имен.

Директор магистрата доктор Ц. был убит, после того, как его избили до крови, в то время как ему вводили шланг в прямую кишку и закачивали ему в кишечник холодную воду до тех пор, пока он не умер. Инженера Х. дважды снова резали, затем били плеткой со свинцовыми шариками, так что область от *Musculus glutaegus maximus* (большая ягодичная мышца) до ахиллового сухожилия превратилась в анатомический препарат из обнаженных сухожилий, кровеносных сосудов и нервов. Там в жаркие летние месяцы кишели тысячи личинок мух. Сильная потеря белков и наступившая дизентерия положили, наконец, конец его мучениям. В последние дни перед смертью я на руках перенесла этого пациента из палаты в перевязочную. Он весил едва ли 30 килограммов. Этот метод позволить кому-то медленно умирать был одним из самых частых. Три месяца подряд все комнаты с больными были полны обработанными так людьми. Об излечении нечего было и думать.

Самым страшным случаем была тринадцатилетняя немецкая девочка, которая была изнасилована, и у которой из влагалища висел тридцатисантиметровый кусок кишечной петли. Чешский профессор гинекологии оперировал девочку. Она осталась жива. Так как доктор Б. уже умер, я могу сказать, что, по его сообщению, преступником был капитан чешской армии.

Из-за «возмущения» против одного охранника силезец инженер К. был без суда наказан смертью через повешение по приговору майора Моравской бригады С.Д., который ни разу не был в лагере и не имел никакого отношения к управлению лагерем. Исполнить эту казнь был принужден находившийся в том же лагере чешский коллаборационист Г.

Перед виселицей должны были пройти маршем все арестанты лагеря, включая детей.

За два следующих друг за другом дня 68 стариков из дома престарелых в Ольмюце, которые были приведены в лагерь, были просто расстреляны по ночам

17-19-летними охранниками, так как эти пожилые немцы были стары и бесполезны. Я еще сегодня слышу ужасный стон последних из этих старух – самой старой было 92 года, и она была глухой – когда их грубо и с бранными словами вроде «немецкие свиньи» и «германские шлюхи» вытаскивали из барака на казнь.

Когда выселение уже началось, 16-летний Л. из Лангендорфа, округ Штернберг, который работал батраком у чешского крестьянина, узнал, что его родителей выселяют, и что он мог бы вернуться домой. Тем не менее, этот крестьянин из-за отказа мальчика от работы привел его в Годоланы в лагерь, там его неоднократно днем так долго избивали до крови и потери сознания, и держали в темных комнатах в одиночестве, пока он не сошел с ума. В безумном бреде он звал свою мать, пел песни Гитлерюгенда, приветствовал немецким приветствием, когда он получал свой суп, что каждый раз снова давало повод бить его, хотя он больше не отвечал за свое поведение. Каждый профан должен был это видеть. И это происходило в мае 1946 года, спустя целый год после кровавых революционных дней.

Дни памяти Лидице, Езашке и Яверичко и национальный праздник Яна Гуса были ужасными днями и ужасными ночами. В эти дни также избивали женщин с абсолютно обнаженной нижней частью тела. У некоторых психическая депрессия была настолько глубока, что они в период меланхолии вешались на оконных засовах или топились в водном баке противовоздушной обороны.

Однажды к нам привели всех женщин, детей и младенцев из немецкого города Бениша, всего их было 285 человек. Также они лежали на голой земле. Много маленьких детей умерло из-за нехватки молока, потому что для них имелся только черный кофе, когда через несколько дней материнское молоко застывало.

В холодные зимние месяцы 1945/1946 года семеро мужчин крали несколько пригоршней угля. За это их раздетыми заперли в бункере. Через четыре дня все снова вышли из бункера с сильнейшими обморожениями. Двух пришлось подвергнуть ампутации, и они умерли после операции. Наш так называемый барак Красного креста был примитивным. Правда, в нем были железные кровати с матрасами, частично соломенные тюфяки и шерстяные одеяла, но без меняющихся пододеяльников, что было особенно опасно из-за ужасных ран, потому что быстро все было покрыто грязью, гноем и во время периода дизентерии испражнениями, и не было возможности это очистить.

Также в бараке для больных мы не могли защититься от клопов и от вшей, пока в рождественские дни 1945 года нам как дар небес не привезли первый американский инсектицид ДДТ. Из-за господствующего недостатка места от двух до трех человек лежали в одной кровати. Все трупы умерших и убитых

лежали нагишом на траве рядом с бункером на краю лагеря, пока их не забирала. В мешках они безымянными попадали в общие могилы за оградами кладбищ. Руководство лагеря хотело заставить меня как главного врача, чтобы я подписывала свидетельства о смерти убитых с обыкновенным диагнозом «сердечная недостаточность». Я не сделала этого ни в одном случае. Я брала последствия на себя. К сожалению, находились другие немецкие коллеги, которые ставили свои подписи на эти лживые и позорные документы.

Это только маленькая часть из времени ужаса и страданий 17 000 немцев лишь в единственном из многочисленных чешских концлагерей в период с мая 1945 по май 1946 года. Я могла бы продолжить это сообщение сколько угодно, но хочу довольствоваться только этими немногими случаями. Я никогда не испытывала чувство ненависти, и вопреки моим страшным переживаниям я не испытываю ненависти и сегодня. Этот мой рассказ также не должен сеять семена новой ненависти, это противоречило бы моим намерениям. Я клянусь, что это сообщение – полная правда.

Я не хотела бы закончить этот рассказ, не вспомнив о честных, порядочных чехах, имена которых должны оставаться в тайне до другого времени, о тех чехах, которые помогали нам и стремились предотвратить зло, которые были хорошими патриотами и остались людьми.

Доктор Ф.»

Нет возможности без доказательств верить таким сообщениям. Но также невозможно не верить таким сообщениям, если те, кто рассказывает об этом, высказывают свою информацию в неоспоримом обилии и подтверждают ее именами людей и указаниями мест.

Опровергнутая ложь немецкого плана изгнания

Даже если не учитывать эти сообщения о самых страшных ужасах, которые человечество когда-либо испытывало, само по себе насильственное выселение немцев чехами – это доказанный перед всем миром факт. Всюду в Западной Германии и Австрии, даже в Восточной Германии и в меньшем количестве уже как эмигранты в заокеанских государствах, присутствуют эти жертвы политики ненависти чешского государства как неопровержимые свидетели. Сверх того, опубликованные согласно АПА (Австрийское агентство печати) в январе 1949 года предложения «Фонда за национальное обновление» (учреждение по управлению немецкой собственностью), согласно которым до сих пор необитаемые семейные дома с принадлежащими к ним садами в округах Фройденталь и Егерндорф продаются за 20 000 чешских крон, доказывают осуществление изгнания немцев. Однако «Фонд национального управления» находит слишком мало заинтересованных в покупке лиц, так что он уже взял

на себя обязательство в случае покупки какого-либо дома полностью обновить этот дом за свой счет. У чехов недостаточно людей, чтобы занять отобранные у немцев владения. ЧСР благодаря дьявольским преступлениям государства стала во многих областях страны пространством без народа.

Массовое изгнание немцев было представлено чехами как справедливое возмездие за немецкие планы изгнания против чешского народа. Не говоря уже о том, что этот мнимый «план», который не был исполнен на практике, ни в коем случае не мог бы быть индульгенцией для такого насильственного изгнания, это изображение является однозначной и преступной ложью. Не кто иной, как строгий заместитель американского главного обвинителя в Нюрнберге мистер Роберт М. Кемпнер однозначно опроверг эту «сказку о массовом выселении чехов». Но также и здесь мы можем цитировать не немецкие, даже не американские сообщения в прессе, а:

«По сообщениям приостановившей к данному моменту издание чешской социал-демократической пражской ежедневной газеты «Pravo Lidu» от 3 сентября 1947, мистер Роберт М. Кемпнер, заместитель американского обвинителя в Нюрнберге, 1 сентября 1947 года во время пресс-конференции в Праге дал информацию об одном найденном документе, в котором сообщается об аудиенции имперского протектора того времени К. Г. Франка у Гитлера. Имперский министр юстиции Гюртнер также присутствовал на этой встрече.

Как следует из документа, Гитлер во время этой встречи объяснил, что было три возможности для будущей формы Протектората Богемии и Моравии:

1. Сохранение автономии.
2. Выселение чехов и заселение богемско-моравского пространства немцами. План невыполним, так как для его осуществления понадобилось бы сто лет.
3. Таким образом, оставалась только третья возможность: ассимиляция и германизация чешского народа при исключении расово нежелательных лиц и врагов Рейха. Гитлер одновременно запретил все другие планы решения чешского вопроса».

Итак, здесь, на основании констатации союзников, информация о которой была опубликована в чешской прессе, безупречно разоблачается обман о каком-либо обосновании массового изгнания немцев как ответной меры.

Гитлер, которого действительно не мучили угрызения совести, считал выселение семи миллионов чехов невозможным. Гитлер оказался совсем жалким дилетантом в сравнении с чехами, югославами, поляками и венграми, которые в реальности «выселили» не 7 миллионов человек, а больше чем 15 миллионов человек в течение всего лишь трех лет.

Но это принудительное изгнание миллионов – это только часть многих смертных грехов, которые народы на Востоке взвалили на себя. Поджоги, грабежи, кражи, все формы насилия, истязаний, изнасилований, издевательств над стариками и детьми, убийства во всех вариациях – все оставшиеся безнаказанными преступления – вопиют к небесам.

Можно было бы сказать, что досадные неправильные поступки происходили всюду. Можно было бы сказать, что ужасы немецких концлагерей уравновесили резню немцев народами на Востоке.

Все это так же мало соответствует истине, как и сказка о возмездии за крупномасштабный немецкий план выселения чехов.

Нигде во всей совокупности немецкого народа не была совершена такая безжалостная цепь преступлений, даже против евреев. Немецкий народ, интеллектуалы и маленькие люди на улице в подавляющем большинстве своем не участвовали в бесчинствах фанатиков. Не говоря уже о том, что бесчинства немцев против евреев вообще несравнимы с резней немцев на востоке Европы, особенно в ЧСР.

Немецкий гражданин имел о концлагерях только туманное, расплывчатое впечатление. Многие лишь в 1945 году узнали, что там происходило на самом деле. Немцы в их совокупности вовсе не участвовали в мероприятиях в концлагерях.

Все эти вещи в концлагере происходили за железным занавесом гиммлеровской секретности.

Но бесконечные массовые убийства немецких мужчин, женщин и детей происходили публично прямо на улице, среди бела дня под воющим одобрением всего населения. Если и был где-то какой-то отдельный чех, у которого еще сохранилось человеческое сердце, то он никогда не осмеливался даже пальцем пошевелить в защиту несчастных жертв, потому что боялся, что его самого тут же поставят к стенке как «коллорациониста». А в Германии и Австрии были тысячи людей, которые вопреки наводящим ужас мерам наказания сделали существенно больше, чем только пальцем пошевелили для защиты более чем одного еврея или других жертв политических преследований.

Эмигранты с окровавленными руками

Большая часть чешского народа виновна в совершенных преступлениях. Сегодня виновники этих бесчестных поступков бегут на Запад, так как их коммунистические братья теперь медленно хватают за горло их самих, и здесь на Западе эти чешские беглецы позволяют чувствовать себя как «антикоммунистов».

Но они точно такие же, как и те, кто остался в ЧСР. Уже процитированный борец-антифашист отец Райхенбергер занял по этой теме определенную позицию в своей статье, присланной им Американскому фонду поддержки чехословацких беженцев. Смелый католический священник пишет дословно:

«Господа!

Недавно вы послали мне открытое письмо, лучше сказать, просительное письмо о помощи «лучшим сыновьям и дочерям Масарика», преследуемым новым тираном за их прозападную ориентацию, которые покидают свою родину из-за опасности для жизни и могут иметь при себе только то, что они могут унести на себе, «великодушным людям», и т.д.

Мне кажется, как будто бы вы проспали всю историю Чехии с 1918 года до сегодняшнего дня. Я пережил ее всю вплоть до «Мюнхена», и я так активно действовал в интересах этого государства, что нацисты требовали моей выдачи. Но то, что руководство чехов могло бы вести себя так подло, так низко и преступно, как это испытали на себе судетцы, венгры, даже словаки, я считал невозможным.

Я очень хорошо помню, что судетские немцы, которые были готовы сражаться за Чехию, были отправлены в заплombированных вагонах для скота обратно в гитлеровские концлагеря, когда они искали помощь в Богемии. Я очень хорошо помню, что мы столкнулись со множеством препятствий со стороны чешских властей, но не получили от этих властей никакого содействия, когда мы организовывали помощь для немецких жертв Гитлера. Когда я хотел начать акцию по оказанию помощи в Париже, у чешского посла больше «не было времени». Какая-то мелкая сошка заявила мне от его имени, что Чехии, ради которой мы жертвовали собой, больше не существует.

Я принадлежу к тем людям, которые подписывали последнее воззвание к свободным судетским немцам против Гитлера. Бенеш хорошо сознавал, что это значило в тот час. Тогда он говорил нам, что не забудет об этом. У правительства, мол, было достаточно золота за границей, и что бы ни произошло, он позаботится о нас. Ну, теперь я знаю, что Бенеш и его министры не жили в бедности; они получали более высокие зарплаты, чем британские министры. До сегодняшнего дня никто не спросил нас о том, как и за счет чего мы жили. Чехи израсходовали украденное из налогов золото между собой и, кроме того,

они занимали деньги авансом под будущее «освобождение». И более того: гангстерские декреты Бенеша «организовали» (т.е. украли – прим. перев.) также мое имущество, которое удалось спасти от нацистов. Мой отцовский дом был украден, сегодня в нем сидит какой-то негодяй. Моя сестра, которая, как и я, всегда была противницей нацистов, на один год была интернирована в Терезиенштадте и еще сегодня страдает от последствий чешской бесчеловечности. Вот такова благодарность «лучших сыновей Масарика»! Вот такова она, настоящая Чехословакия!

Сегодня эти «благородные люди» хотят внушить американцам – «долларовыми мошенниками» называли нас еще во времена Бенеша! – что чехи, которые потянулись «домой в Рейх» по следам изгнанных ими же судетских немцев, вынуждены были убежать из-за своей прозападной позиции. Тут смеются даже бабушки у богемских каминов! Вполне возможно, что чехи вновь хотят поставить на двух лошадей, как это было в дни жонглера Бенеша, как недавно сказал Роберт Ингрим: одни двигаются на восток, другие на запад, и, если потом дойдет до решающего конфликта – бороться в котором предоставят другим, – все же, тогда чехи так или иначе принимали участие, и при любом исходе они окажутся на стороне победителей. Вполне вероятно, что эта бесхарактерная игра начинается с ведома самого Готвальда. В противном случае трудно было бы объяснить, что так много «видных» чехов смогли попасть «домой в Рейх».

(Речь идет о чехах-антикоммунистах, которые после бескровного государственного переворота в феврале 1948 года, вынуждены были бежать на Запад, преимущественно в Западную Германию, где пытались получить поддержку от американских оккупационных властей и секретных служб якобы для антикоммунистической борьбы. – прим. перев.)

Прозападная позиция! Да, Запад всегда получал елейные слова о демократии, свободе, человечности – и простодушный Запад поверил в это. Но зато дела были ориентированы на Восток. Я хотел бы только спросить, где были эти господа с «западной ориентацией», когда начался этот пагубный курс, когда и где они протестовали, когда они ушли в отставку со своих постов? Ах, в эти дни было лишь сплошное всеславянское ликование, царило опьянение «успехами», римский прелат Шрамек посылал телеграммы со словами почитания в Кремль и совершал паломничество в Москву, а отец Фиала как коммунистический агент приезжал на всеславянские конгрессы в Америку.

Нет, нет, господа эти убежали вовсе не из-за своей прозападной позиции. Почва у них под ногами становилась слишком горячей, надежды рушились все быстрее: Готвальд не был удовлетворен салонными большевиками, а заменял их своими стопроцентными. И лишь теперь господа обнаружили свою прозападную позицию. То, что они убежали как раз в Германию, несмотря на то, что их руки все еще были липкими от немецкой крови, и на их спинах лежало

немецкое имущество, в действительности является отнюдь не доказательством их западного мышления, но, скорее, выражением неизмеримой подлости в их мышлении.

Если бы я уже не был закален бедствием изгнанных Потсдамом христиан, с которым я ежедневно сталкиваюсь в дюжинах писем, я был бы почти тронут вашим описанием ситуации «16 000 сыновей Масарика». Они спят на соломенных тюфяках на цементном полу хижин, по трое на одном матрасе и варят теперь свой картофельный суп. Но не будем забывать, что IRO сразу же позаботилась о благородной расе Масарика, чтобы многие устроились в лучших отелях Баварии, многие через несколько недель после «бегства» уже оказались в Англии и в Америке – вероятно, на службе Сталина! Я уже могу понять, что эти «благородные демократы» не хотели попасть в общие лагеря с изгнанными судетскими немцами, возможно, у них была еще искра чувства стыда. Но больше чем один из них боялся, что он может там встретить женщин, которых он обесчестил, мужчин, которых он ограбил, детей, из рук которых он забрал последний кусочек хлеба.

И забыли ли вы все-таки, господа, что эта благородная раса не 16 000, а три миллиона человек изгнала с их родины, что эти «беженцы» виновны в преступлении расового убийства или причастны к нему? Грабежи, убийства, изнасилования осуществлялись не во мраке концлагерей, нет, они были всенародными праздниками. Ни у одного не было мужества, чтобы протестовать публично. Остается жгучим стыдом то, что чешский архиепископ Беран публично защищал это ограбление и изгнание – в швейцарской прессе.

И даже несколько подписантов вашего просительного письма, как например, Папанек, защищали массовые изгнания в здешней прессе, и даже господин Леман писал во время войны (в 1943 в New York Times): «Можно было бы оправдать мор голодом детей военной необходимостью, если бы действительно можно было вследствие этого выморить голодом врага».

Странные апостолы любви к ближнему! Ваше просительное письмо говорит: «Старания беженцев помогать себе самим достойны удивления». Правда? А вот подобным стараниям судетских немцев активно мешали, если не препятствовали им полностью.

Но это чешская традиция «помогать себе самим» со дней Яна Жижки вплоть до родившегося поздно гусита Бенеша: богемский круг! Украли даже дефис из названия «Чехо-Словакия» – с грабежом и кражей была основана первая республика – обманывали UNRRA на взносы для четырех миллионов немцев и венгров – помогали себе самим с заработанным веками имуществом собственными гражданами другой национальности. И вы теперь хотите представить в Аме-

рике эту клику как «демократов»?! Народные демократы, да уж! У Нюрнбергского закона есть другое слово для этой разновидности чехословацкой «демократии».

Уже вполне понятно, что вы сегодня рассылаете просительные письма, теперь там жертвы Бенеш, Масарик, Рипка, Шрамек объясняют с вульгарным словом: Tak jsme v prdeli. Но вы сами хотели этого так, да, ваш народ среди прочих втянул Европу в катастрофу. До сегодняшнего дня нет никакого настоящего сопротивления против коммунистической тирании – очень странно, ведь чехи, все же, якобы – в пропаганде, по крайней мере – были такими героями в сопротивлении против нацистов? (В действительности ни в одном народе не было так много добровольных почитателей Гитлера, как среди чехов!) Западная ориентация проявилась там только тогда, когда восточная ориентация больше не окупалась.

Возвратится ли чешский народ еще раз в западный культурный круг? Во всяком случае, только тогда, если он – и здесь действительно нужно говорить о всеобщей вине, так как никто не выступил против преступлений, и народ в его самых широких слоях принимал активное участие в них – искупит свою вину за эти преступления, если он снова признает человеческое достоинство и возместит награбленное.

Если бы я знал какого-то чеха в нужде, который действительно является демократом, я попытался бы помочь ему, если это возможно, хотя моя помощь до предела израсходована на жертв Бенешей, Масариков и Рипок. Но я никого не знаю. Некоторые, которых я когда-то знал, и которых я считал демократами или, по крайней мере, приличными людьми, проявили себя как преступники, а народные демократы оказались охотниками за конъюнктурой. Но я хочу пообещать вам, господа, одно, что я помогу распространить правду о Чехии и о преступлениях чешской нации всюду, где услышат мой голос. И в этом деле я больше не одинок. «Правда побеждает» – так написано на чешском государственном гербе.

Они попробовали это с ложью, но правда действительно побеждает. Сказки у богемских каминов больше не привлекают. Мир постепенно становится знающим. Легенды уходят в прошлое. У моей борьбы против нацистов не было бы смысла, если бы я молчал о преступлениях, которые прячутся под покровом демократии. Не пишите просительные письма, господа, а приведите доказательство того, что Чехословакия действительно вновь возвратилась к западной ориентации, к западноевропейскому мышлению и действию. Народно-демократические преступники в демократических масках – это не доказательство.

С желанием, чтобы правда победила!

Ваш Э.Й. Райхенбергер».

Свидетельство словаков

Свидетельства делались, однако, не только немецкой, антифашистской стороной. Также словаки в торжественной прокламации их комитета (Slovak Action Committee) в Нью-Йорке 53, Нью-Йорк, 2264 Уолтон-авеню, который выступает против сбежавших к данному моменту на Запад коллаборационистов большевизма: доктора Йозефа Сеттиха, генерала Микуласа Ферьенчика, доктора Федора Годзы, доктора Стефана Овчвары, Рудольфа Фрасталки, доктора Самуэля Беллуса, доктора Мартина Кветко, доктора Матея Йоско и доктора Михала Зибрина, констатировали:

«После того, как этнические немцы были изгнаны из Судет, эту опустошенную страну наполнили переселенными в принудительном порядке 400 000 словаков (частично из венгерского меньшинства). Эти словаки, прибыли ли они теперь по своей воле или в принудительном порядке в Судеты, не могли свободно выбирать свою работу или свое рабочее место. Тех, кого это не устраивало, и поэтому они возвращались в Словакию, ловила политическая полиция и во многих случаях отправляла в лагеря для принудительных работ. Жизнь в этих лагерях была ужасна с моральной и с гигиенической точки зрения.

Эти места рабского труда все еще существуют, прямо в сердце Европы.

Глубокое вмешательство в частную жизнь отдельного человека в столь многих случаях просто проводилось административными мероприятиями, и оно было бы невозможно без согласия вышеназванных личностей.

Эти факты были доведены до сведения Организации Объединенных Наций, а также распространялись в прессе.

Этими принудительными мерами были нарушены §§107, 108 конституции Чехословацкой республики, которые гласят, что личная свобода ограничивается только законом, что никто не может быть наказан без законного судебного процесса, и каждый может свободно выбирать свое место жительства.

С той минуты, когда эти люди захватили власть в Словакии с помощью Красной армии, они организовали концлагеря и лагеря для принудительных работ (Илава, Новаки, Леопольдов, Словенска Лупца, Кунерад, Перцалка, Крадовани, Сланица, Крупина, Св. Юр, Тиха Долина, Усти-над-Моравоу, Лубочна, Горна Штубня и т.д.), куда они без суда запирали своих противников и устраивали убийства и терроризирование этих людей.

В американской Палате представителей мистер Бернард Кирни, конгрессмен от штата Нью-Йорк, 20 июня 1947 года выступил против высылки чехами словацкого населения в Судеты и при этом резко осудил массовое изгнание судетских немцев: «Господин спикер, с позволения привести мои наблюдения в

отчете, я хотел бы включить в отчет следующее воззвание Словацкого комитета действия к цивилизованному миру в связи с депортацией чехами словацкого населения в Судеты:

Воззвание Словацкого комитета действия к цивилизованному миру в связи с депортацией чехами словацкого населения в Судеты.

Со времени оккупации Словакии Красной армией и приходом к власти в Словакии антидемократического правительства с помощью чехов и коммунистов еще не было перерыва в ряду преступлений против словацкой нации. И теперь, после политического подавления, введения террора и насилия, уничтожения большого количества словацкой интеллигенции, учреждения концентрационных лагерей и уничтожения словацкого сельского хозяйства, чешско-коммунистическое правительство протянуло руку к корням самого существования Словацкой нации и изначальной свободы словацкого населения.

Это факты, которые потрясают умы всех словаков, на родине и за границей, и подрывают принцип гуманности. До конца ноября 1946 года 200 000 словацких крестьян и рабочих были депортированы в ставшие безлюдными Судеты с приказом населить Судеты снова. Согласно сообщению газеты «Час» от 18 декабря 1946, разрешенной пражским Министерством иностранных дел, в формулировке от 27 ноября 1946, этих людей, включая женщин и детей, уже 300 000. Это количество ежедневно растет и должно достигнуть полумиллиона, со словаками, которые из верности отечеству возвращались из Румынии и Венгрии на свою родину, но в действительности они вынуждены были в принудительном порядке поселяться в домах судетских немцев.

Чтобы удержать область бывшей Чехословакии с ее когда-то 15 миллионами жителей силами своих семи миллионов чехов, господин Бенеш насильственно изгнал три миллиона судетских немцев и теперь депортирует словаков и венгерское меньшинство из Словакии на эту территорию. Так чешское правительство планирует их чехизацию, чтобы таким путем симулировать чешский характер в так называемой Чехословакии.

У этого принудительного переселения словаков есть, без сомнения, беспощадный характер депортации:

а) В письменных приказах говорилось следующее: принуждение упомянутых лиц к переселению и принудительное определение их нового места поселения.

б) Крестьяне и рабочие вынуждены переселяться с их семьями, с приказом окончательно остаться в Богемии.

в) Свободные люди вынуждены вопреки их воле и вопреки большому дефициту рабочей силы в Словакии отдавать свои домовладения.

d) Никто не имеет права возражать против высылки, в противном случае он будет наказан заключением в трудовом лагере.

e) Нет никакого внимательного отношения к беременным женщинам, мужа которых депортируют.

f) Переселение проводится без учета холода в течение зимы.

В конце концов, эти мероприятия были введены только по решению президента (номер 88/45), итак, только по воле одного единственного человека. Это значит, что у них нет законной основы, но даже если бы такой закон и был известен, то эти мероприятия не оправдывались бы им, ибо ни один самый категорический закон не в состоянии превратить противоестественную акцию в естественную. Кроме того, у чехов нет права разделять словацкое население, так как ни у одной нации нет права разрывать другую. Даже если словаки и родственны чехам, то они, все же, другая нация.

Что касается негуманных методов высылки, то они были описаны французским корреспондентом Л. Юбер-Родье в газете Le Monde от 1 февраля 1947.

Чтобы скрыть преступный характер депортации, чехи утверждают, что словаки должны оставаться в Богемии только на период Двухлетнего плана. Это утверждение легко опровергается следующими фактами:

a) Депортация осуществляется на длительный срок, так как чехи угнетают также семьи депортируемых.

b) Доктор Леттрих, президент Словацкого национального совета (Slovak National Council), подтверждает окончательный характер высылки. Он говорит: «Чехи требуют, чтобы мы заменили судетских немцев, которые покинули пограничные территории» (ежедневная газета «Час», 23 октября 1946).

c) В Словакии большой недостаток рабочей силы, так как Словакия в материальном отношении пострадала от войны значительно больше Богемии.

Чтобы провести депортацию, чехи рассказывали много неправды. Например, словакам говорили, что они должны ехать в Богемию только для того, чтобы познакомиться с промышленным оборудованием и машинами, которые затем якобы будут перевезены из Судет в Словакию. Теперь, уже после того, как словаки были депортированы, чехи сообщают, что невозможно переместить промышленность, так как нет достаточного количества рабочих, чтобы в этой промышленности работать.

Словаков в Венгрии и Румынии заманивали переселяться с помощью обещаний, что они, мол, вернутся в страну своих предков. Но поезда, которые везли

этих переселенцев, не останавливались в Словакии, а повезли их прямо в Богемию. Чехи знали, что ни один словак не согласился бы на переселение, если бы он догадывался, что его поселят в Богемии, а не в Словакии. Это причина, почему сегодня уже ни один словак в Венгрии не намеревается возвращаться на родину.

Зарплата словацких и депортированных рабочих – это зарплата рабов. «Час» (8 января 1947) цитирует чешскую ежедневную газету «Obzornu» относительно зарплат: «Чехи устроились в офисах, и поэтому мы ищем сельскохозяйственных рабочих в Словакии. Тысячи крон (месячный заработок) как раз хватает, чтобы кое-как прокормиться одному человеку и это только в том случае, если жить в бочке, ходить голым и босым, и вместо табака курить листья картофеля».

Депортация словаков носит характер преступления против человечности и национальности.

Принудительный набор рабочих оккупированных стран нацистами был на Нюрнбергском процессе осужден как противоестественный и негуманный. Итак, массовые высылки действительно противоестественны и негуманны, так как они нарушают личную свободу рабочих. Кроме того, словаки были оторваны от своих домов и своего естественного окружения, они лишены своих прав и оказываются в чужой стране. Высылка словацких рабочих тем более непростительна, потому что она является последствием жестокой высылки чехами судетских немцев, и потому что чехи отказываются выполнять тяжелую работу на полях, в шахтах и на фабриках. Наряду с преступлениями против человечности, чехи совершили преступление против словацкой нации.

Словацкая нация имеет право на существование, и у членов ее есть право на словацкую национальность, так же, как у любой другой нации. Депортацией 500 000 словаков из их отечества чехи посрамили право словацкой нации. Чехи прямо или косвенно принуждают словаков, чтобы те стали чехами. Это факт, что бывшая Чехия в течение двадцати лет своего существования всеми средствами стремилась чехизировать словаков. Словацкая нация насчитывает всего лишь три миллиона человек. С 1850 года словацкая нация не увеличилась, а постоянно уменьшалась вследствие продолжительной политики денационализации и эксплуатации со стороны чехов и венгров. Национальным, политическим и сельскохозяйственным следствием этого стала катастрофа для словацкой нации.

С национальной точки зрения словацкая нация представляется очень ослабленной. В политическом отношении она будет терять свой престиж, а в экономическом отношении восстановление и развитие прерывается, так как 300 000 депортированных рабочих – это максимум словацкого рынка рабочей силы.

Согласно выступлениям господина Фрастацкого, вице-президента комиссаров, перед парламентом в Праге (о чем сообщала газета «Час» 18. 12. 1946), восстановление и новое экономическое планирование в Словакии стало невозможным.

Таково и есть намерение чешского коммунистического правительства и господина доктора Бенеша. Грубым вмешательством в национальную сущность они хотят рассеять словацкую нацию и сломить ее сопротивление против Чехословакии и против международного красного террора, смертельными врагами которого являются словаки, как это доказали выборы 26 мая 1946 года.

Депортацией словаков чехи доказали, что чешская промышленность работает для советских военных планов. «Час» описывает подвиги словацких рабочих в Богемии и Моравии и в последнее время особо подчеркивает: «Бедные словацкие рабочие не в состоянии освободиться от этого современного рабства». (08.01.1947).

Представители словацкой нации, Словацкий комитет действия хочет привлечь внимание цивилизованного мира к жестокой депортации словаков чешскими коммунистами в Праге, к бесчеловечному обращению с членами словацкой нации, к противоестественному угнетению и незаконной оккупации Словакии чешскими коммунистическими войсками.

Мы взываем к цивилизованному человечеству и к ответственным государственным деятелям, чтобы они защитили демократию и человечность от насилия коммунистов и чехов. Не верьте лживой пропаганде господина Бенеша. Господин Бенеш – это самый лживый пособник международного коммунизма и авангард угрожающего красного наступления в Европе. И Бенеш подавляет словаков с помощью коммунистов, так как словаки – противники коммунизма и чешского империализма.

Помогите нам свергнуть режим террора и угнетения и помогите нам восстановить словацкую независимость и помогите нам вернуть словацкой нации ее национальную независимость, а словацкому населению – его права человека и его свободу.

Несправедливость, совершенная в одной части мира, касается также всего мира. Без восстановления справедливости не может быть длительного мира для наций».

Нарушенное кладбищенское спокойствие

До недавнего времени мир молчал об этом аде на Востоке. Разумеется, несколько смелых редакторов в Западной Германии, в Австрии и в Швейцарии

проявили мужество, опубликовав в своих газетах статьи об ужасах в Чехословакии. Гёттингенский кружок (рабочая группа) опубликовал ряд работ, в том числе «Линия Одер-Нейсе». В детмольдском издательстве «Sudetenland-Heimatland» вышла брошюра «Судетская проблема». В Дюссельдорфе вышла «Восточногерманская страсть» отца Райхенбергера. Работы Венцеля Якша, Рихарда Райцнера были опубликованы в партийном издательстве СДПГ в Мюнхене и в издательстве «Дас Фольк» («Народ») в Мюнхене. К художественным произведениям, посвященным судетской проблеме, относятся роман «Скованные» Эрвина Отта, вышедший в издательстве «Бургберг-Ферлаг» в Западной Германии, и роман «По ту сторону границы» Герберта Шобера, напечатанный в зальцбургском издательстве. Вскоре доктор Генрих Цинке опубликует обобщающий обзор ужасов в Судетах.

Но в остальном мир молчал.

Только в последнее время там и сям раздается глас вопиющих в пустыне, которые хотят разорвать кладбищенское спокойствие этой человеческой трагедии. В 1946 году известные американские профессора, священники, профсоюзные лидеры и писатели написали работу под заголовком A Tragedy of a People («Трагедия народа»), посвященную, в частности, изгнанию судетских немцев. Произведение подписано следующими людьми: Роджер Н. Болуин, Чарльз Апсон Кларк, Джордж Крил, Джон Дьюи, Кристофер Эммет, Вэриан Фрай, Джон Хейнс Холмс, Сидней Хок, Роберт М. Макивер, Листон Оук, А. Филипп Рэндолф, Давид да Сола Пул, Марк Старр, Норман Томас, Освальд Кэrrисон Виллард, Роберт Дж. Уотт, Майкл Уильямс, Мэттью Уолл и Л. Холлинворт Вуд. В нем говорится:

«Простого протеста недостаточно, он также не может ограничиваться одной чехословацкой депортацией, мы должны апеллировать к правительствам, чтобы они приложили все силы их дипломатической и экономической власти для предотвращения принудительных изгнаний, где бы они ни происходили, так как они угрожают не только нашим собственным традициям, но и любым надеждам на объединенный мир».

В другом месте сказано:

«В конце августа транспорт немцев прибыл в Берлин. Он выехал из Троппау и был в пути 18 дней. Перед отправлением из Троппау в этой партии было 4200 детей и пожилых людей, и лишь 1350 еще оставались живы, когда транспорт прибыл в Берлин».

Руководитель комиссии по делам беженцев во Всемирном совете церквей англичанин Элфан Рис на всемирной конференции церквей в Амстердаме перед 150 представителями прессы и радио со всего света сделал заявление об ответственности церквей перед изгнанными с Востока немцами. Он сказал, что

наряду с проблемой «перемещенных лиц» после 1945 года была создана гораздо большая по своему воздействию проблема изгнанных восточных немцев.

В американской Палате представителей 20 января 1948 года конгрессмен Гарольд Ф. Янгблад заявил:

«Правдивая история этих миллионов изгнанных, насколько мне известно, еще не написана. В действительности определенные группы осуществляли организованные старания, чтобы скрыть эти события от американской общественности. Эти люди были изгнаны из своего отчего дома только с тем, что они могли унести у себя на спине, всего за несколько часов. Все это проводилось с более или менее тихого согласия западной демократии... Среди этих высланных было, как минимум, около трех миллионов человек, которые жили вне границ Рейха в 1938 году. Эти люди жили там уже веками, они были трудолюбивыми, практичными и часто успешными людьми, что вполне может быть главной причиной их изгнания».

О.К. Армстронг пишет в 1948 году в «Reader's Digest»:

«Две группы обостряют все социальные и экономические проблемы в Германии: около 700 000 угнанных людей, которые не хотят возвращаться домой, и 12 миллионов изгнанных, жертвы невероятно трагического документа Потсдама и самого большого массового искоренения населения в истории».

Секретарь Национального совета за предотвращение войны Джеймс Финункейн 15 июля 1948 заявил перед Комитетом Сената по правовым вопросам:

«Также нужно сделать что-то для этнических немцев. Их в конце войны выбросили прочь в такой жестокой и бессмысленной массовой высылке, какой до сих пор не видела история. Их, в принципе, преследовали как преступников только потому, что они были немцами по происхождению. Были ли они молодыми или старыми, добрыми или злыми, лояльными или нелояльными, все это почти не имело никакого влияния на их судьбы. С той же самой бессмысленной логикой, с которой при погроме оказывались обречены евреи просто по той причине, что они были евреями, они были обречены, так как были немцами... Оставить теперь эти миллионы этнических немцев как прокаженных в беде и беспомощности, не только означает, что несправедливость случится с нашими собственными идеалами справедливости, но это также посеет семя для второй войны».

Только немногие сегодняшние американцы выступили в поддержку этой массы беспомощных людей, так как этнические немцы – это не американцы, и не евреи. Никакие влиятельные группы не стучали в дверь Конгресса и не публиковали в прессе призывы на целую страницу в защиту этих бедняг. Вместо

этого царит секретное, бесчеловечное молчание. Даже некоторые из самых больших филантропов боязливо увивают от этого, из страха, что их обзовут фашистами, и на них посыплются старые упреки, если только они решатся выступить в защиту основных прав человеческого приличия».

В газете New Yorker Staatszeitung от 8 сентября 1946 года Фридрих Штампфер в статье под заголовком «Судетская трагедия» констатирует следующее:

«То, что происходит в это время в немецкоязычных районах Чехословацкой республики, это трагедия не только немецкого, но и чешского народа. Мы видим, как 3,5 миллиона немцев лишают их прав человека, подвергают их такому обращению, при взгляде на которое каждое сердце с человеческими чувствами должно застыть от ужаса...»

Судетско-немецкие социал-демократы встретились 1 и 2 мая 1948 года в Лондоне и заняли по отношению к проблеме судетских немцев следующую позицию:

«Как мы уже кратко сообщали, английская группа судетско-немецких социал-демократов заседала 1 и 2 мая в Лондоне.

О содержании этого заседания распространяется листовка, которую мы – без гарантии ее правильности – приводим ниже в виде выдержек:

По организационным вопросам доклады делали эгерлендский делегат Кац и восточно-богемский профсоюзный деятель Рамбауске. Было достигнуто полное согласие относительно того, что зарубежные организации судетско-немецких социал-демократов в Англии, Скандинавии и в заокеанских странах должны далее действовать ради справедливого решения судетской проблемы. При этом нужно обратить особое внимание на печальную ситуацию сотен тысяч судетских рабочих, которых оставили в республике Бенеша и Готвальда на положении рабов без каких-либо гражданских прав и прав человека. Американской федерации труда, которая направила внимание Объединенных Наций на страшную судьбу этих людей, была выражена благодарность за этот акт солидарности. Конференция с удовлетворением отметила, что заявление АФТ против рабского труда в Чехословакии будет, наконец, обсуждаться на июльском заседании социально-экономической комиссии ООН, и что на соответствующих совещаниях в Женеве смогут выступить свидетели из кругов этих лиц.

Комментируя февральские события в Праге, Венцель Якш заявил, что они были логичным результатом чешской политики изгнания. При этом доктор Бенеш и партия чешских национальных социалистов полагали, что смогут переиграть политический радикализм коммунистов чудовищностью своей политики изгнания. Сегодня чешские антикоммунисты рассчитывают на освобождение с помощью войны. Но им не следует путать Сталина с императором

Францем-Иосифом! Дважды отданная без борьбы свобода в третий раз не упадет сама в руки чехам без их собственных усилий.

Что касается отношения судетско-немецких социал-демократов к чешской новой эмиграции, Якш объяснил, что никакой союз не возможен с людьми, которые приняли участие в преступлениях изгнания. Однако мы так же решительно отказываемся взваливать на весь чешский народ коллективную вину, после того, как мы никогда не признавали также коллективную вину немецкого народа за войну и различные совершенные преступления.

С политической точки зрения силы демократического социализма и христианского гуманизма, которые определяют будущее, в чешском лагере потерпели самый большой провал. Если такие силы должны будут развиваться там по-новому, то они должны понять, что без реституции не могут быть найдены какие-либо здоровые отношения с соседними народами. Мы бескомпромиссно выступаем за восстановление прав человека и прав собственности в богемских землях по состоянию на 1938 год. Мы понимаем под социализмом права человека и плановое хозяйство. На воровстве и кулачном праве гуманистический социализм основываться не может. Определение будущего правового и экономического порядка стало бы тогда делом свободно избранных народных парламентов чехов, судетских немцев и словаков.

Между этими временами и сегодняшним состоянием, продолжал Якш, будут еще лежать процессы, на которые мы не можем повлиять. Но мы рассчитываем на федералистское преобразование Европы и надеемся, что в рамках такого урегулирования также солидарность народов Дуная найдет позитивное выражение.

О пункте программы «Послание к невинно изгнанным» выступил депутат от Карлсбада Ойген де Витте. Он призвал изгнанников, где бы они в настоящее время ни находились, сохранять добрые традиции старой родины и оставаться сильными в убеждении, что никакая правда не может быть сломлена в длительной перспективе, если жертвы лжи и несправедливости сами не станут послушными рабами лжецов и прислужниками тех, кто совершил несправедливость. Еще он предостерег судетских немцев, чтобы те не поддавались бессмысленным влечениям мести. Также многие чехи испытывают стыд за своих мародеров и вспоминают старый, основанный на жизненном опыте принцип, что в политике самая большая подлость – это всегда одновременно также самая большая глупость.

Судетско-немецкий народ три раза на протяжении трех десятилетий становился жертвой чужих политических решений и чужих ошибок. Многое уже не может быть исправлено. наших убитых соотечественников нельзя оживить. Но все другие ценности заменимы. И мы взываем к такому возмещению, но не к мести.

Мы в свободном мире неустанно будем обвинителями тех, кто совершил беззаконие. Мы – первые изгнанники, у которых фашисты отобрали все материальные ценности – мы хотим оставаться рупором безвинно изгнанных в свободном мире и служить истинному удовлетворению.

О том, чего мы требуем в осознании судетско-немецкой истории и нашего народа, мы говорили в нашем письме Потсдамским державам:

'... что проблема судетских немцев во время мирной конференции должна быть рассмотрена заново и с привлечением свободно избранных представителей судетского народа; что это повторное рассмотрение должно охватывать проблему рожденного с судетскими немцами права гражданства в Судетах, их жилища, их собственности и их будущего места в мирной Европе; что, наконец, миру можно будет послужить только тогда, когда совершенная по отношению к судетским немцам после окончания войны несправедливость будет исправлена'.

Депутат де Витте закончил свою речь словами, с которых начиналось это письмо державам-победительницам в Потсдаме: Это торжественное напоминание великого американца Авраама Линкольна всем, которым давалось какое-либо значительное задание:

Ничто не урегулировано окончательно, пока это не урегулировано справедливо!»

Чешские признания

Даже сами чехи свидетельствуют о своих собственных бесчестных поступках. В газете «Час» от 22 мая 1947 министр юстиции доктор Дртина должен был признаться: «В народных судах многих осуждают не потому, что они виновны, но из личной мстительности, или так как кто-то хочет лишить их собственности!»

8 июня 1948 «Час» пишет, среди прочего: «Нельзя умалчивать о том факте, что людей отправляли в концлагерь без какой-либо причины, включая больных и нетрудоспособных».

Согласно параграфу 145 Уголовного кодекса, любое лицо, которое подозревается в уголовном преступлении, нужно допросить на протяжении 24 часов, и если этот человек невиновен, то его следует освободить, если же он виновен, то в течение 48 часов он должен быть отправлен в тюрьму и быть осужден. По отношению к немцам, а также к венграм и словакам параграф 145 ни в коем случае не применялся.

Газета «Svobodne noviny» пишет с удивительной откровенностью 5 декабря 1945: «Методы расследования настолько изменились, что они никак не могут быть согласованы с действующими законами, их следовало бы либо легализовать, либо, если они не соответствуют гуманности, отменить».

Газета «Час» от 20 мая 1947 признает: «У нас есть сообщения о негуманном обращении, информация об избиениях и убийствах в ходе расследований».

Доктор Леттрих писал в газете «Час» 3 июня 1945 дословно: «Все немцы и венгры должны быть бесцеремонно изгнаны из нашей страны. Евреи, которые говорят и думают по-немецки или по-венгерски, должны разделить эту судьбу».

Законная маскировка

Никто не может утверждать, что многочисленные зверства чехов по отношению к беззащитным немцам, но также по отношению к венграм и словакам были и остаются только противозаконными действиями чешской черни.

ЧСР создала ряд законов, которые в то время, когда коммунисты еще не представляли реальную власть во внутренней политике, официально были приняты чешским правительством в Праге, которое хотело, чтобы его считали демократическим. Эти законы создали правовую базу для массовых преступлений в ЧСР. Это правительственные указы 33/1945: согласно этому правительственному указу Бенеша немцы и венгры были лишены их гражданства ЧСР. Согласно постановлениям президиума Национального совета номер 4/1945, номер 20/1945, номер 43/1945, номер 44/1945, номер 50/1945, номер 69/1945, номер 99/1945, номер 104/1945, номер 64/1945, позднее правительственным постановлениям 100/1945, 101/1945, 102/1945, 103/1945, все лица немецкой и венгерской национальности могли быть лишены всей их собственности и всех их государственных прав и права на жизнь. Одни только постановления президиума чешского Национального совета номер 104/1945 и номер 64/1945 утверждали, что все имущество немцев и венгров должно быть конфисковано немедленно и без какой-либо компенсации.

Однако эти мероприятия, которые привели к экспроприации собственности «врагов государства», к лишению прав, изгнанию и уничтожению этих самых «врагов», отнюдь не имели форму законов. Да и кто мог бы в 1945 году принимать решения об их введении и подписывать их, чтобы они имели законную силу? Учредительного Национального собрания не было, у правительства был только временный характер, и президент Бенеш сам не был избран демократическим путем. Возвращение к Национальному собранию 1933 или 1938 года не было возможно, так как оно состояло из большинства тех самых «врагов государства», которые и должны были теперь быть ликвидированы. Поэтому

Бенеш избрал форму декретов, которые он сам подписывал, поистине достойное начало демократии!

С декретом от 21 июня 1945 года имущество врагов государства, немцев, венгров, австрийцев, предателей и коллаборационистов, было объявлено подлежащим конфискации. Национализация чехословацкой частной собственности, собственности союзников и нейтралов, должна была происходить с выплатой компенсации. Тем не менее, и этого не произошло. Даже малые предприятия были отобраны без компенсации.

Об этом решении Бенеша коммунистический министр сельского хозяйства Й. Дуриш на демонстрации 1 июля 1945 года сказал дословно следующее: «Наконец, по окончании трех и одной четверти столетий чешская земля возвращается в чешские руки. Ликвидируются Лихтенштейн, Диттрихштейн, но ликвидируются также предатели 1621 года и с 1938 по 1945 год, такие как Кински, как Беран (председатель Аграрной партии, прим. перев.), Махник (министр обороны первой республики, деятель Аграрной партии, прим. перев.) и Тисо (президент Словацкой республики с 1939 по 1945, прим. перев.). В чешские руки возвращаются 2 300 000 гектаров немецкой земли в богемских землях. 266 000 немецких хозяйств площадью меньше 50 гектаров примерно с одним миллионом человек немецкой национальности ликвидируются. В Богемии и в Словакии чешскому и словацкому народу в целом будут переданы более 3 миллионов гектаров сельскохозяйственной земли и лесов стоимостью более 100 миллиардов крон. И эта историческая расплата проводится быстро и без задержек. За три дня, после того, как президент республики подписал декрет, земельные угодья семейств Кински и Берана были конфискованы, разделены с помощью крестьянских комиссий, и переданы министерством сельского хозяйства с полным правом собственности мелким крестьянам и арендаторам Берана и Кински. Мы не будем ждать эту земельную реформу двадцать лет! И так же быстро все немецкие деревни и города в пограничных районах будут очищены после декрета о внутренней колонизации».

Как должна была происходить эта «чистка», видно из инструкций Бенеша, о которых он говорил в Таборе в июне 1945: «Если мы решим, что мы должны дегерманизировать республику, всюду и во всем, то мы должны подумать о том, как нам сделать это. Речь идет о дегерманизации имен, названий, обычаев и привычек, речь идет обо всем, что только можно дегерманизировать. Сегодня как раз наступило время для этого, и вспомните, что германизация причинила нам на протяжении веков! Поэтому нашим девизом будет: дегерманизировать республику всюду и во всем!»

В действительности было много чехов, которые настолько основательно размышляли над этой проблемой, что стали видеть в дегерманизации уничтожение всей немецкой жизни – согласно девизу: «Лучший немец – мертвый»

немец!». Бенеш, правда, в других своих заявлениях подчеркивал, что удаление немцев должно происходить «гуманным» способом, но его сообщники действительно хорошо понимали его, когда он говорил для заграницы, и когда он говорил для своих. Он ни разу ни слова не обронил против организованного им убийства, он проповедовал против немцев, когда они стали только совсем бессильным и сломленным меньшинством в государстве. То, что он в 1945 году смог стричь венгров с немцами под одну гребенку, понятно ввиду того, что тогда в Венгрии еще не был установлен народно-демократический режим. Таким образом, призывы о помощи венгерского меньшинства и тогдашнего будапештского правительства, обращенные к русским оккупационным властям, не встретили особенного сочувствия.

Воплощением в жизнь этих незаконных декретов занимались собственные комиссии, в дальнейшем национальные комитеты, которые были образованы в каждом населенном пункте, и, наконец, внушающие страх люди SNB, которые как «Союз (или лучше корпус) национальной безопасности» устроили настоящее царство террора. Этот корпус состоял преимущественно из молодых людей, которые причисляли себя к партизанам. В действительности они только в майские дни 1945 года оказались среди героев, когда они убедились, что «немецкие призраки» – так Бенеш называл оккупантов – больше не были опасны, ибо сами оказались в тяжелом положении.

Практически это осуществлялось так: декреты Бенеша были лишь общими директивами. Подробности разрабатывали местные национальные комитеты, которыми, в свою очередь, управляли окружные комиссии и земельные комитеты. Поэтому в отдельных распоряжениях на местах часто встречались значительные различия.

После 5 мая 1945, начала «славной» (так она называется официально) Пражской революции, от немцев потребовали в определенное время явиться в определенные места. Сначала их избивали и затем под охраной SNB отправляли на работы по расчистке. Во время этих работ тысячи людей погибали. В некоторых городах немцев сразу сгоняли в один загон в лагерях (также в кинотеатрах и залах). В городах под американской оккупацией они могли, в общем, оставаться в своих квартирах, пока на эти квартиры не претендовали чехи. Если же это случалось, то немцы должны были покинуть свое владение самое позднее через два часа. Что им разрешалось брать с собой, определяло не какое-то должностное лицо, а новый «съемщик», которому должно было передаваться все имущество, в каком бы виде оно ни было. Немец, которого это затронуло, мог тогда переехать к другим семьям. Случалось, что после первого выселения из квартиры у семьи, принявшей выселенных, тоже отбиралось ее жилье, и тогда при определенных обстоятельствах сразу несколько семей должны были искать новый дом.

N = Nemec = немец. (Фотография из книги «Крики из ада, которых не услышали»).

Немцы в некоторых городах должны были сразу же зарегистрироваться. В большинстве городов они должны были носить повязки или нашивки для опознания (например, белую повязку с нашитой черной буквой «N» = Nemec = немец, члены НСДАП – с буквами «NN»).

Немцам было запрещено входить в общественные места (кафе, гостиницы, кинотеатры). Комендантский час для немцев наступал в 20 часов, или в виде исключения в 22 часа. Они не могли покидать территорию своего населенного пункта. Им было запрещено пользоваться общественным транспортом. В некоторых городах им даже не разрешалось ходить по тротуару, и они могли передвигаться только по проезжей части.

Немцы получали так называемую «еврейскую карточку». Молоко, масло и мясо им не полагалось. Изобретатель еврейской карточки – министр пищевой промышленности Майер, который теперь защищает чешскую демократию в Америке.

Официальные объявления национальных комитетов требовали от немцев и венгров: отдавать свои радиоприемники в безупречном состоянии, затем автомобили, пишущие и швейные машинки, велосипеды и фотоаппараты и т.д. Еще оккупационные власти, само собой разумеется, отдали приказ об изъятии немецкого оружия. Все же SNB осуществлял постоянный контроль. Эти люди под предлогом поиска оружия обшаривали квартиры, подвалы и земельные участки и «конфисковали» все, что им показалось пригодным, например, дамские чулки, деньги, фотоаппараты, дамское трико, т.е. сначала все те вещи, которые легко можно было засунуть в карман военной формы. Они в большинстве случаев не довольствовались одноразовым «контролем». Однако, кроме

этой «полиции» у каждого чеха была возможность входить в немецкие квартиры и вытаскивать вещи, которые представлялись ему пригодными. Позже, с лета 1945 года, ворота домов, в которых жили немцы, должны были быть открыты также ночью, так же, как двери в квартиры. Светомаскировка (темные занавесы, которые не позволяют заглянуть внутрь жилища) была запрещена. Таким образом, каждый чех мог иметь возможность ночной «инспекции» у немцев!

В июле 1945 года вышел еще один декрет президента Бенеша. В нем было сказано, что немцы и венгры немедленно лишались гражданства ЧСР. В то же самое время Бенеш издал декрет о роспуске немецких школ. В качестве образца авторитарного диктата стоит процитировать то место, которое касается немецких институтов. «Чтобы старое историческое стремление всего чешского народа увенчалось в вопросе о Пражском университете и вместе с тем плоды национальной революции и борьбы за освобождение чехословацкой республики были защищены законом (!), я в качестве проекта правительственного распоряжения постановляю:

Немецкий университет в Праге, который погиб 5 мая 1945, в первый день народного восстания в Праге, как враждебный чешскому народу институт будет распущен навсегда (не возникают ли ассоциации с «Тысячелетним Рейхом?»). Его научные институты и учреждения, а также все имущество немецкого университета в Праге будут переданы Карлову университету».

Все эти декреты, даже если они были бы позднее приняты выбранным Национальным собранием, отставали от реальных процессов. Практически немец – будь то имперский немец, австриец или судетский немец – стал бесправным уже 5 мая 1945 года. Не было власти, которая представляла бы его интересы. Сброд решал эту проблему по-своему, грабежами и убийствами. И в этом он получал всяческую поддержку от государственных учреждений.

Потсдам придал ужасным мероприятиям чехов внешний вид чего-то позволенного и интернационально допустимого, так что даже более боязливые и добросовестные люди среди них могли сказать себе, что теперь приводился в исполнение справедливый приговор немцам.

Неопровержимо доказано, что официальное правительство ЧСР, руководители чешского народа из-за своих собственных, к тому же безусловно тоталитарных незаконных законов несут полную уголовную вину за все совершенные по отношению к немцам преступления. Ответственные чехи тоже очень хорошо это знают.

В чешском журнале «Obzory» некий Иво Хаис писал, что немцы утверждают, будто бы они ничего не знали о происходившем в концентрационных лагерях; а те, которые знали о об этих событиях, не осмеливались разоблачать их.

Если теперь чехи осуждают эту последнюю позицию как трусость, то они должны были бы со своей стороны также занять определенную позицию по отношению к бесчеловечным событиям и проявлениям жестокости, которые происходили не только во время революции, но и в более поздние месяцы.

«То, что мы 9 мая», так он пишет, «на пражских улицах поджигали отдельных людей, которые были за одну ногу повешены на уличном фонаре, что мы убивали людей, которые были определены для разборки баррикад (среди них это могли быть также чехи, документы которых были не в порядке), это все еще как-то можно оправдать революционным возмущением. То, что еще в июне в пражских переулках немецкие женщины погибали от выстрелов бывшей революционной гвардии, которая должна была перегонять этих женщин из одного сборного лагеря в другой – также это можно оправдать завершающейся революцией. Речь идет, однако, не только о немцах, речь идет также о «коллораборационистах» среди чехов...»

Под ними Иво Хаис понимает тех чехов, которые без вины были обвинены в коллаборационизме, и которых было бы очень жаль.

Доктор Тырдон из чехословацкого бюро пропаганды в интервью репортеру норвежской газеты *Tagbladet*, Осло, дословно заявил:

«Как вы знаете, эта немецкая банда на протяжении веков сосала из нас кровь и германизировала нас. Но теперь этому пришел конец. Роли поменялись. Немцы – это не люди. Мы должны внушить ненависть к немцам и страх перед Германией каждому из наших граждан. Это реалистичная политика, мой господин!»

Интересно, что здесь чехи сами признаются в преступлениях, что полностью совпадает со свидетельствами многочисленных немцев.

Печальная роль коммунистов

Снова и снова знатоки чешской резни, которую они сами не видели, но также и сами судетские немцы, словаки и венгры задают вопрос: Виновен ли чешский народ во всей своей совокупности в этих преступлениях или нет? Ответ на этот вопрос очень проблематичен. Фактом, во всяком случае, является то, что чешский народ в его совокупности видел эти преступления и допускал их. Принимающие решения элементы и обычные чехи нигде не возвысили голос разума и не протестовали против происходящего во имя человечности. Конечно, тут и там чехи пытались спасти немцев, венгров и словаков и предупреждали несчастных жертв кровавого террора.

Зачинщиками и организаторами этих преступлений во всех случаях были коммунисты, которые также делают все, чтобы претендовать на кровавую славу

судетской драмы. В номере 52 за 1946 год выходящей в Праге главной газеты чешской компартии «Rude Pravo» («Красное право») было опубликовано следующее исчерпывающее заявление о высылке судетских немцев. Там дословно написано: «Эта идея не могла появиться на земле Лондона (у чешского эмигрантского правительства генерала Льва Прхалы). Известно, какую позицию занимали и все еще занимают английские консерваторы! Идея высылки возникла среди наших политиков в Москве.

Когда президент Бенеш прибыл в Москву, чтобы подписать чехословацко-советский договор, товарищ Готвальд впервые сформулировал вопрос о высылке немцев с нашей территории. Лично товарищ Сталин выразил согласие с этим заявлением. Сталин выступил также за реализацию этих принципов Потсдамской конференции. И вот сегодня именно коммунисты заботятся об основной реализации этого вывоза людей. Особенной заслугой коммунистов является то, что они добились того, что эта земля была отдана за незначительную цену, которая равняется половине стоимости компенсации. Мы, коммунисты, также сделали так, что даже одного геллера не было заплачено немцам за отобранную у них землю. В правительство как раз было внесено предложение выплатить немцам компенсацию, которую затем нужно было зачесть при репарациях. Только после нашего заявления, что народ не согласится с этим, от этой идеи отказались».

Здесь даже главный орган чешских коммунистов хвастается ограблением немцев и публично подтверждает, что коммунисты являются главными виновниками массового изгнания немцев.

Когда чешский коммунистический вождь Клемент Готвальд праздновал свой первый день рождения на посту президента Чешской Республики, чешский коммунистический министр внутренних дел Вацлав Копецкий выступал в центральном здании чешской армии в Праге перед собранными офицерами министерства национальной обороны и генерального штаба с памятной речью, в которой он говорил и о заслугах Готвальда в деле изгнания и уничтожения немцев в Чехословакии. Он, среди прочего, сказал дословно: «Мы должны помнить о том, что во время войны никто другой не думал о выселении судетских немцев, кроме только нас, коммунистов, с Клементом Готвальдом во главе». Не может быть сомнений, по этим документальным заявлениям «Rude Pravo» и коммуниста Вацлава Копецкого, кто виновен в трагедии судетских немцев.

За всеми этими хвастливыми заявлениями и утверждениями чешских коммунистов стоит психологически легко объяснимый момент: Коммунисты не только хотели бы нести главную вину за грабежи и убийства, но они боязливо пытаются сбежать из этой однозначно криминальной атмосферы, укрывшись за политической подготовкой преступления.

Чешская буржуазия, чешская интеллигенция, чешские рабочие и крестьяне, которые молчали обо всех этих преступлениях, и которым не хватило мужества поднять голос человечности, к этому времени уже получили от коммунистов свою заслуженную награду. Уничтожение чешской интеллигенции, чешского крестьянства и свободы чешского пролетариата началось с уничтожения судетских немцев.

Долгий путь к упадку

Но пока до этого процесса, который, в конце концов, привел к упадку не только судетских немцев, но и свободолюбивых чехов, был еще долгий путь.

Роберт Ингрим подробно описывает в своей книге «От Талейрана до Молотова», вышедшей в 1947 году в издательстве «Thomas-Verlag» в Цюрихе, эту историческую вину чешских эмигрантских политиков в расколе самой большой и самой безопасной экономической области на Дунае, Австро-Венгерской империи.

Томаш Масарик в его книге «The Making of a State» частично также признает эти методы. «Narodni Listy», в то время ведущая газета чехов, опубликовала уничтожающий приговор: «Удивительно, как неумоимо Масарик старается испачкать честь чешской нации...»

Клуб чешских депутатов в Венском имперском совете в 1916 году отправил в письме министру иностранных дел Австро-Венгрии следующее заявление: «В связи с ответом союзников президенту Вильсону, где освобождение чехов упомянуто как цель войны, мы отвергаем это требование, которое основывается на ошибочных предположениях».

В июне 1917 года чешские представители на заседающей в Стокгольме конференции «Социалистического Интернационала» отвергли требования Масарика о разрушении Австрии и выступили лишь за независимое чешское государство в составе федерации Австро-Венгрии.

Все же Масарик и Бенеш из эмиграции и дальше продолжали вести систематическую борьбу против многонационального государства Австро-Венгрии, которую они называли тюрьмой народов. Наконец, после крушения австро-венгерской монархии они основали Чехословакию как национальное государство чехов, хотя не существует чехословацкой нации и не существует чехословацкого языка. Наряду с чехами стояли, как второй государственный народ, немцы, которые с самого начала были помехой в этом конституционном устройстве. Словаки, которые по своей численности значительно уступали немцам, противились и также сегодня в их антикоммунистических частях еще противятся тому, чтобы их идентифицировали с чехами. У них есть свой соб-

ственный язык и свой собственный народный дух. Но также и другие меньшинства, поляки, венгры, русины (жители Карпатской Украины) были с самого начала сильной помехой внутри «чехословацкой» нации.

Шовинизм чехов, которые были одержимы идеей своего чешского национального государства, с самого начала мешал им найти демократический компромисс с другими национальными меньшинствами. Наряду с немецкой проблемой, которая с 3,5 миллионами судетских немцев по сравнению с 7 миллионами чехов обладала решающим влиянием, еще настоятельно проявлялась словацкая проблема. Чехи с самого начала рассматривали Словакию как колонию, воспринимали сам словацкий народ как культурно отсталый, и тем самым с самого первого момента заложили фундамент для того, чтобы словаки активно отвергали пражский централизм.

Сын Томаша Масарика, Ян Масарик, который таинственным образом погиб в Праге, кажется, от рук его коммунистических друзей, пришел, пусть даже и слишком поздно, к пониманию того, что великая борьба его отца и Эдуарда Бенеша за чешское национальное государство была большой ошибкой чешского народа.

Бывший британский посол во Франции сэр Дафф Купер писал в апреле 1950 года в лондонской газете «Daily Telegraph», что Ян Масарик в 1946 году в разговоре с ним заявил, что «Чехословакия никогда не была такой счастливой, как в те времена, когда она была частью австрийско-венгерской монархии».

Жаль, что к пониманию этого ответственные лица группы Бенеша и Масарика не пришли примерно на 30 лет раньше. Тогда великие бедствия и страдания миновали бы не только судетских немцев и чехов, но и десятки других народов.

Разрушение чехословацкого государства извне в результате гитлеровской оккупации только ускорило внутренние явления распада Чехословакии. Внутренняя напряженность, причиной которой в основном было стремление чехов к жесткому доминированию, раньше или позже неизбежно привела бы к распаду ЧСР.

Это гротескный исторический пример того, что история ничему не учит народы и государства. Те же чехи, которые упрекали австрийско-венгерскую монархию и их мягкую силу за то, что она строит тюрьму народов, сами гораздо более жесткими средствами, национальным и социальным угнетением немцев, словаков и венгров в ЧСР, создали настоящую тюрьму народов. Можно с уверенностью утверждать, что Чехословакия погибла от той же болезни, что и Австро-Венгрия. Однако существенное различие между обоими крушениями состоит в том, что руководители Чехословакии пытались реализовать свои

национальные притязания на власть не «мягкой» силой, а со всей беспощадностью и всяческим террором.

Чешская внутренняя политика и внешняя политика были в самой большой степени построена на затаенных обидах и неприязни. Сегодня по прошествии значительного времени с тех событий кажется, как будто бы Бенеш как в приступе нечистой совести видел только одного единственного врага: Австрию Габсбургов. Действительно чешская нервозность из-за событий в Австрии после 1934 года, когда при австрофашистской диктатуре Штаремберга, Дольфуса и Шушнига стали очевидны сильные монархические тенденции в Австрии, была значительно больше, чем во время присоединения («аншлюса») Австрии к Германскому Рейху со вступлением гитлеровской армии.

Бенеш, одно из основных действующих лиц при разрушении старой австро-венгерской монархии, с прямо-таки паническим страхом боялся изменений в габсбургском духе и вместе с тем возможных претензий Отто фон Габсбурга на земли богемской короны. На основании того же самого хода мысли можно объяснить резко негативную позицию ЧСР Бенеша по отношению к Венгрии Хорти, так как Венгрия со своей стороны претендовала на части Словакии как старую коронную землю. Дошло до того, что ЧСР в 1920 году даже провела мобилизацию против Венгрии.

В противоположность всегда недоброжелательному поведению ЧСР Бенеша по отношению к Австрийской Республике и Венгрии Хорти, по отношению к Германии ЧСР вела себя нейтрально. Германия была от чехов далека и плохо им знакома. Чехословацкая интеллигенция заинтересовалась происшествиями в этой соседней стране только тогда, когда в 1933 году эмигранты из Берлина приехали в Прагу и начали печатать там газеты, писать книги и брошюры, чтобы таким путем повлиять на политиков. Все же, однако, чехи не отказались от нейтралитета по отношению к Германии, а, наоборот, в известном смысле следили за событиями там с чем-то вроде смеха сквозь слезы, так как сильный Германский Рейх представлялся чехам своеобразной гарантией против претензий федеративного австро-венгерского блока.

Исторический обман судетских немцев

Но по отношению к судетским немцам чешское государство сразу после своего образования начало играть краплеными картами. Понимая, что ЧСР без немцев будет лишь чем-то вроде обрубка, неполноценным организмом, чехи сознательно умалчивали о праве судетских немцев присоединиться к Австрии, возможность чего была упомянута в Сен-Жерменском договоре. Все это делалось только для того, чтобы присоединить судетских немцев к новому государству вопреки их воле. Демонстрации судетских немцев за право самоопределения в духе Вильсона были в нескольких судетских немецких городах насильственно подавлены чешской армией 4 марта 1919 года.

Республика Немецкой Богемии, которая под руководством доктора Лодгман-Ауэна формировалась в дни распада австрийско-венгерской монархии, вследствие отсутствия связи с Веной и, вероятно, также недостающего понимания ситуации в венских ответственных кругах, которые не справились с навалившимися на них задачами, была ликвидирована. Факт состоит в том, что в нескольких судетских немецких городах еще в 1919-1920 годах судили именем республики Германской Австрии. В те времена целые области Богемского леса, как, например, Винтерберг, присоединились к Австрийской республике, хотя Винтерберг находится не на австрийской, а на баварской границе. В южно-богемском районе Каплиц немцы с оружием защищались от включения своей родины в чехословацкий союз.

Чехи со своими испытанными пропагандистскими силами смогли скрыть эти процессы от мира, и сильные мира сего, которые, пожалуй, сделали все, чтобы разрушить экономическое пространство на Дунае, явно устали после своей негативной деятельности, чтобы также действовать положительно в интересах свободного волеизъявления свободных народов.

Масарик и Бенеш, со своей стороны, не могли отказаться от богатой промышленности немцев для нового государства и должны были рассматривать земли богемской короны в качестве единого целого. С экономической точки зрения этот подход нового государства был однозначно правильным, но плохо было то, что чехам не хватало того великодушия и широты натуры, которая, вопреки всем ошибкам, была свойственна Австро-Венгерской империи, и из которой только и могла бы возникнуть нравственная сила многонационального государства.

В дальнейшем развитии Чехословакии немцы в ЧСР достигли огромных успехов. Богатство и высокий уровень жизни народов в чехословацкой республике были в первую очередь заслугой немецких промышленников и немецких рабочих, немецких крупных землевладельцев, а не чешских крестьян.

Шабаш ведьм чешской внутренней политики

Чешская внутренняя политика в то время была в основном представлена чешскими политиками доктором Эдвардом Бенешем, Томашем Г. Масариком, доктором Крамаржем, Клофачем, Гайдой, Яном Швехлой и словацким руководителем Андреем Глинкой.

Доктор Эдвард Бенеш, который двадцать лет боролся за мечту о чешском национальном государстве, вскоре после основания ЧСР стал премьер-министром, чтобы затем почти два десятилетия быть министром иностранных дел. Тому, что он как преемник Масарика стал президентом ЧСР, он был гротескным образом обязан голосам немцев. Имя его было хорошо известно внутри

страны, но его личность была чуждой. Во время официальных событий постоянно проявлялось, что он говорил на чешском языке с иностранным акцентом, так же, как он владел и немецким, английским и французским языками свободно, но со слишком отчетливым славянским щелканьем языком. В его речах, которые он всегда читал по бумажке, было что-то холодное, искусственное, бумажное. Он был известен, но он не был популярен в ЧСР и не был любим в народе.

Также Томаш Г. Масарик не был оратором, и его произношение выдавало, что чешский язык не был его родным языком. До того, как он стал профессором в Пражском университете, он писал своей матери, что он сомневается, сможет ли он, доцент в Венском университете, удовлетворять языковым требованиям чехов. Есть определенная пикантность в том, что Масарик написал ряд стихотворений на немецком языке.

Доктор Карел Крамарж, представитель буржуазии, до 1917 года чувствовал такую симпатию к «славянской матушке России», что он видел самый большой шанс своего народа в объединении всех славян под руководством царя. Большевицкая революция в 1917 году разрушила его идеалистическую политическую концепцию, но он, тем не менее, в течение долгих лет оставался руководителем буржуазно-национальной оппозиции против Бенеша, которому он уступал в политическом отношении.

Вацлав Клофач, учредитель чешской национально-социалистической партии, к которой принадлежал Бенеш, играл только в тени Бенеша, так сказать, как Нестор свою роль.

Радолга Гайда, глава чешских фашистов, попадал из одного процесса в другой, и он не мог привлечь к себе сторонников преимущественно из-за его невыясненных махинаций во время похода его легионеров через Россию после революции. В те дни они вызвали к себе равным образом самое глубокое презрение и ненависть и большевиков, и белых. Постоянная измена чешских легионеров, которые за время своего отхода во Владивосток предавали то белых, то красных, в зависимости от денежных сумм и преимуществ, которые предоставлялись им, и при этом беспощадно грабили Сибирь и совершали самые ужасные зверства, бросали тень на этого честолобивого мужчину и всю жизнь лишали его любого шанса. Он был точно такой же незначительной фигурой, какими были до 1945 года чешские коммунисты, которые только под канонадой приближающейся Красной армии проснулись к жизни.

Единственным чешским политиком, который без иллюзий был самым значительным и самым конструктивным представителем более старого чешского политического поколения и который для своего народа умер слишком рано, был аграрий Ян Швегла. Его принцип: «Ja pan, ty pan» (дословно: я господин, ты

господин), т.е., равноправие партнеров, сделал бы под его руководством возможным справедливый компромисс между народами ЧСР и устранил бы динамично-национальную напряженность.

Словацкий священник Андрей Глинка был руководителем, к которому его народ проявлял самое глубокое уважение, и в своей Словацкой народной партии он представлял собой единственное представительство его народа и энергично боролся против чешского централизма Праги.

Бенеш сам чувствовал, на каком шатком фундаменте стояло с таким трудом построенное им государственное образование. Поэтому он пытался внутри страны с помощью особенно строгого курса против национальных меньшинств твердо натягивать поводья, а за границей благодаря весьма искусной и интенсивной пропаганде сохранять большую поддержку ЧСР, особенно в Лондоне, Париже и Москве. В особенности он выделял огромные суммы на политическую пропаганду на Западе и за это часто подвергался враждебным нападкам внутри самой ЧСР, так как выяснилось, что купленные им публицисты писали в его духе только так долго, пока к ним текли деньги из Праги. Если поток денег прекращался, они писали то, что они сами думали.

При этом Бенешу вопреки всем усилиям не удалось добиться настоящей твердой поддержки. Когда в 1938 году национальные проблемы обострились, ЧСР оказалась без внешнеполитической и военной опоры. Но военные силы хорошо вооруженной и снабженной чешской армии не нужно было недооценивать. Глубоко эшелонированный пояс укреплений окружал Богемию и Моравию. На саму армию выделялись огромные суммы. Еще в середине 20-х годов офицер генерального штаба Станислав Йестер опубликовал под заголовком «Готовы ли мы?» брошюру, которую написал Эмануэль Моравец, и которая указывала на задачи чехословацкой армии в случае войны.

Но внутривнутриполитическая ситуация только обострялась из-за жестоких претензий чехов на господство над всеми другими меньшинствами. Чехословацкие внутренние политики в час самой большой опасности оказались перед множеством проблем, которые они не решили за двадцать лет, и каждая из которых теперь проявилась в усиленной степени и требовала решения.

В свое время сильные мира сего вменили в обязанность ЧСР защиту меньшинств. Но эта защита меньшинств превратила бы чехословацкую республику в федеративное государство разных национальностей и положила бы быстрый конец старой мечте Бенеша о чешском национальном государстве. Поэтому чехословацкое государство выполняло свои обязательства перед меньшинствами по отношению к немцам так же плохо, как по отношению к венграм, словакам или полякам.

Мы вас прогнали, мы вас снова прогоним!

Судетские немцы протестовали в Лиге наций. Но их представленные сенатором Медингером протесты не имели успеха. Чем сильнее, однако, становились национальные меньшинства, тем сильнее они притеснялись в национальных, а также в экономических вопросах. Чешское государственное руководство пробовало все, чтобы с помощью политики твердой руки остаться у руля.

Когда Судетская немецкая партия, которая в то время вовсе не была фашистской или национал-социалистической – Конрад Генлейн (Хенлайн), как известно, несколько раз был в Лондоне и делал там доклады перед политически заинтересованными кругами, задолго до того как он поехал в Германию – становилась все сильнее и, наконец, стала не только самой сильной немецкой партией, но и самой сильной партией всего государства, она должна была бы, согласно демократической традиции, делегировать одного из ее парламентариев в правительство.

Но тем самым чешское национальное государство было доведено до абсурда и чехи заявили, что участие немцев в правительстве невозможно ни при каких обстоятельствах. Делегат от национально-социалистической партии Земинова даже совершенно открыто выступила в парламенте против немецких парламентариев: «Мы вас прогнали, и мы вас снова прогоним!»

Наоборот, в течение всего этого процесса делались попытки заселить немецкие области, которые чехи называли «онемеченными», чешскими колонистами. Сначала на немецкие территории переселяли только чешских служащих железной дороги и почтовых служащих, чиновников государственных органов власти, создавали для их детей школы, чтобы вместе с тем получить рабочие места для чешских учителей в чисто немецких областях. Так как число учеников было в большинстве случаев незначительно, детей более бедных слоев немецкого населения заманивали в чешские школы предоставлением одежды и т.п. Немецкие чиновники должны были выбирать, посылать ли им своих детей в чешскую школу или потерять свою должность. Потом за этими первыми пионерами чешского государства последовали торговцы и ремесленники. За несколько лет во многих немецких городах появилось чешское меньшинство, которое было хорошо обеспечено в экономическом отношении, в то время как среди немцев распространялась все большая безработица.

При раздаче государственных постов и государственных заказов немцам не удавалось добиться учета своих интересов, и чем более напрасными оставались эти усилия, тем сильнее возрастала озлобленность немцев и их объяснимая ненадежность как меньшинства в ЧСР

Тщетные надежды Бенеша

Бенеш очень хорошо знал о недостатках руководимой им ЧСР и с помощью особенно хороших отношений с Западом пытался гарантировать существование государства, создания которого он добился с таким трудом. В частности, Францию, которую он всегда называл «лучше всего вооруженной страной мира», он рассматривал в качестве самого надежного гаранта статус-кво.

Англия, где сын Масарика, Ян, в течение долгих лет был послом и при этом из-за своего небрежного вида и манер отнюдь не приобрел там много друзей, играла гораздо менее важную роль в комбинациях чехов.

Отношения с Россией, которая до момента своего появления в Женеве казалась абсолютно равнодушной к Европе, медленно укреплялись, но, тем не менее, пока не давали ощутимых результатов. Москва, как известно, не вмешалась в кризис 1938 года и даже официально признала протекторат Гитлера над Богемией и Моравией и до начала немецко-русской войны в 1941 году содержала в Праге советское генеральное консульство с торговой миссией при правительстве Протектората.

Бенеш предполагал, что Запад, который поддерживал чехов в их неуступчивости по отношению к меньшинствам, поддержит чехов также в борьбе против Германии, Польши и Венгрии, также в случае войны. Бенеш думал, исходя из многочисленных высказываний до кризиса 1938 года, что ЧСР должна будет только сдержать первый удар немцев, до тех пор, пока французы не прорвут немецкие укрепления на западе и, развивая наступление, прорвутся к войскам ЧСР.

Но после немецкого вступления в Австрию чешская политика утратила любую свободу действий. Но она, опираясь на поощрение западных держав, все равно избегала любых уступок национальным меньшинствам, хотя ЧСР была уже практически окружена с трех сторон – Германией, Польшей и Венгрией.

Чехи позорят Бенеша

Тяжелым ударом для Бенеша и его правительства как раз в этой столь трудной психологической ситуации стал приезд в Прагу летом 1938 года английского наблюдателя лорда Рансимена. Плохая дисциплина чехов – одного господина из его сопровождения однажды даже оскорбили – произвела такое дурное впечатление на англичан, что они в момент отъезда даже рекомендовали чехам исполнить требования судетских немцев.

Бенеш принял решение Мюнхенской конференции, объявил мобилизацию и вышел в отставку. Он уступил ярости пражского населения, которое призвало одноглазого генерала Яна Сырового в руководство правительства.

Бенеш сбежал во вторую эмиграцию, чтобы ждать там своего нового шанса.

Позиция его чешского народа глубоко разочаровала его. Чешский народ, кажется, смирился со случившимся и был готов жить и наживаться за счет отнюдь не скудных крошек, которые падали со стола тогда богатых немцев. Положение, в котором находились чешские радикальные политики вокруг Бенеша в 1938-1945 годах в эмиграции, было не очень завидным. Западные державы снова напрасно ждали революционную реакцию поработанных чехов, которые вполне хорошо жили, сотрудничая с немцами. Однако русские откровенно говорили о печальной роли чешского легиона в гражданской войне и не скрывали своего презрения.

Бенеш в это время полностью утратил доверие своего народа. Чехи упрекали его в том, что это он вызвал беду 1938 года ошибками своей политики, а сам сбежал в безопасное место. Бенеш ясно осознавал, что потерянное доверие собственного народа и союзников можно будет вернуть только с помощью радикальных мер.

В этой отчаянной ситуации было принято решение обучить в знаменитой британской Секретной службе маленькую группу диверсантов, которая своим роковым поступком, убийством Гейдриха, в некоторой степени действительно на некоторое время помешала взаимовыгодному сотрудничеству военной промышленности Гитлера с чешским народом.

Если бы реакция немецких полицейских структур не была такой жесткой и не наказывала бы без разбора виновных и невиновных, воздействие этой акции оказалось бы еще слабее, чем оно было на самом деле. Здесь ответственные немецкие инстанции сделали точно то, чего Бенеш и его круг так страстно ожидали.

После катастрофы в Лидице и до приближения Красной армии больше ничего не происходило, т.е. совсем ничего, что хоть как-то серьезно помешало бы немецкому военному производству или немецкой военной машине.

Самая подлая ложь Бенеша

Но дело было сделано. Политики в изгнании принесли страстно желанные ими жертвы своего собственного народа на алтари своих честолюбивых желаний и доказали своим союзникам волю чешского народа к свободе.

Чтобы теперь вновь обрести потерянное доверие также в чешском народе, Бенеш выдвинул ряд исключительно радикальных требований, в том числе выселение судетских немцев.

Но англичане отнеслись к этому предложению без всякого сочувствия.

Однако когда Бенеш в 1943 году находился в США, он встретился с Рузвельтом и представил ему идею выселения судетских немцев. При этом он заявил, что Россия якобы уже согласилась с этим.

Утверждение Бенеша было полной выдумкой, но с помощью этой исторической лжи Бенеш сделал возможной драму в Судетах.

В действительности его сотрудник доктор Губерт Рипка, позднее министр иностранных дел второй республики, только позже и лишь после больших хлопот и длительной подготовки добился нерешительного согласия Богомолова на переселение немцев.

Но Рузвельт на самом деле позволил себя уговорить этой неуклюжей уловкой и согласился. Разумеется, при условии, что этот план нужно было еще проверить на его техническую осуществимость.

Затем, уже с этой гарантией со стороны Рузвельта чешскому руководству удалось, в свою очередь, добиться согласия и Советского Союза.

С этой исторической лжи Бенеша началась трагедия судетских немцев, которая от преступления лжи прямо привела к преступлениям грабежа, насилия и убийства. Последующий драматический ход войны все больше подталкивал чехов в руки Москвы.

Страх народа-коллаборациониста

Эти политические процессы ни в коем случае не извиняют и вовсе не оправдывают жестокие события, которые начались на чешской территории в тот самый момент, когда немцы сложили оружие. Наряду с низменными инстинктами народа к садизму, насилию, убийству и грабежу этому есть только одно психологическое объяснение: глубокий страх из-за собственного коллаборационизма с немцами. Каждый чех за немногими исключениями в течение долгих лет очень аккуратно и преданно, прямо и косвенно служил гитлеровской военной машине и при этом отлично себя чувствовал.

В английской Палате общин с огорчением констатировали, что «чехи сами сдались и даже не сделали никакого жеста против оккупации».

Чешские чиновники все без исключения остались на своих должностях. Немцы даже не посчитали необходимым провести глубокую чистку чиновничьего аппарата.

Вся чешская экономика безупречно работала на войну. Чешский производственный потенциал из-за постоянных инвестиций был в 1945 году значительно выше, чем в 1939.

Чешское сельское хозяйство настолько увеличило свою производительность в Протекторате, что можно было отказаться от импорта. Его единственной проблемой было неслыханное бегством из деревни чешских сельскохозяйственных рабочих, которые без какого-либо принуждения устремились в Австрию и Германию на работающие для немцев военные заводы такими толпами, что официальный посевной план время от времени оказывался под угрозой.

Активного сопротивления немецкой оккупации, в том виде, как это делали русские, французы, бельгийцы или сербы, чехи ни разу не оказывали, нигде и никогда.

15 марта 1939 года генерал Сыровый, легендарная фигура из славных дней Чешского легиона в Сербии, с покорной улыбкой и рукопожатием приветствовал немцев, которые только что вступили на территорию Праги.

5 мая 1945 года, когда немецкое поражение уже не было тайной также для школьников, когда американские танки уже стояли в Пльзене (чешское название Пльзень), а большевистские дивизии перед Боденбахом (чешское название Дечен), именно в этот день и ни часом раньше началось то чешское восстание в Праге, которое с баррикадами на нескольких улицах, с нападениями на немецких пешеходов и боями за отдельные кварталы было и осталось единственной попыткой чешского народа выступить против немецкой оккупации с оружием в руках.

(Австрийский автор совсем не упомянул в связи с Пражским восстанием роль Русской освободительной армии. – прим. перев.)

В течение всех шести лет, которые лежали между этим вооруженным выступлением и преданными поклонами одноглазого генерала в Пражском замке, в богемско-моравском пространстве не происходило буквально ничего, что заслуживало бы названия активного национального сопротивления. В то время как война прошла почти по всем странам Европы, и в то время как в Польше и во Франции, в России и в Югославии, в Греции и в Бельгии силы сопротивления страны организовывались в партизанские подразделения и диверсионные группы, Богемия и Моравия оставалась островом спокойствия и внутреннего мира. Не произошло ни одного нападения на дорогах на немецкие колонны, ни одна железная дорога не была взорвана, нигде не были повреждены железнодорожные рельсы, не был уничтожен ни один мост.

Единственная попытка создания тайной организации сопротивления, которая была предпринята сразу после учреждения Протектората офицерами и унтер-офицерами чехословацкой армии, была выдана самими чехами немецкой государственной полиции. Вся организация была поймана и уничтожена, прежде чем она могла стать хоть немного действенной. Чешский генерал Войтех Лужа, которого высадили с британскими парашютистами в Моравии, чтобы создать

новую подпольную организацию, был вскоре после начала его деятельности опознан чешскими – а не немецкими! – жандармами и, когда он попытался убежать, они его застрелили.

В правительстве Протектората сидели такие люди как бывший офицер генерального штаба Моравец, бывший мафиози Бинерт, а также министр финансов во многих чехословацких кабинетах Калфус.

Высокопоставленная министерская бюрократия, которая почти полностью и без изменений была взята на службу немцами, работала без какого-либо признака пассивного сопротивления и не проявляла заинтересованности ни к чему, кроме своего собственного служебного положения.

Управление Протекторатом, главным образом после проведенной Гейдрихом реформы государственного управления, лежало почти исключительно на чешских плечах. Эта чешская администрация безусловно функционировала до самого конца войны. Она безусловно выполняла поступающие из инстанций Рейха распоряжения и указания. Она никаким заметным поступком не давала понять, что она не была надежным инструментом в руках немецкого политического руководства.

Такую же хорошую отметку по поведению можно, без сомнения, поставить дисциплинированному корпусу чешской жандармерии и корпусу чешской полиции. Вовсе не курьезом, а как раз очень характерным для чешской позиции в сложившихся обстоятельствах было то, что именно чешский начальник полиции Праги снова и снова обеспокоенно и напрасно предостерегал об опасности того самого угла улицы, где, наконец, действительно произошло покушение на Гейдриха.

Таким же надежным как чиновники и полицейские, был для немецкого руководства и чешский рабочий класс в целом, и чешские промышленные магнаты и крупные финансисты в частности. Не только самоуправление богемско-моравской промышленности лежало почти исключительно в чешских руках – и хорошо зарекомендовало себя в интересах империи, не только отдельные большие господа как Чипера из Bata-A.G., как Дворачек и Прейсс из Zivnobank, как Крулиш-Ранда из «Berg und Huette» и Юлис из богемско-моравских машиностроительных заводов управляли чешским промышленным производством на службе Рейху. По статистике Пражского центрального союза промышленности коэффициент использования производительности труда чешских рабочих в секторе производства вооружения в 1944 году, особенно в металлообрабатывающей индустрии, в среднем на 15-18 процентов превышал среднее значение в Рейхе – факт, который нельзя объяснить никаким принуждением и насилием в мире. Случаи саботажа в Протекторате оставались по среднегодовому уровню ниже годового количества актов саботажа в Рейхе.

Шахтеры в Острау (Острава) и Карвине (Карвина) спускались в свои шахты, когда в апреле 1945 года русские стояли всего в десяти километрах от Острау.

Но с 1939 по 1945 год не только доля производства чешской промышленности в общем производстве вооружения Рейха выросла до 33 %. Заводы «Шкода» в Пильзене, оружейные фабрики в Брюнне (Брно) и металлургические заводы в Витковице из года в год производили все больше станков, пулеметов и материалов, которые стали просто жизненно необходимы для ведения войны Третьим Рейхом, так как воздушная война союзников уничтожала все больше предприятий по производству вооружения в Рейхе или существенно уменьшала их производственные мощности.

Самые секретные программы производства были, наконец, доверены чешским предприятиям с чешскими инженерами и чешскими рабочими. И чешские рабочие с той же самой точностью, с той же самой надежностью и тем же самым усердием, как их немецкие коллеги в Рейхе, работали над изготовлением реактивных истребителей и ракетных самолетов, даже над производством горючего для «оружия возмездия» – ракет V-1 и V-2.

Чешское сельское хозяйство не уступало чешскому рабочему классу в своем вкладе в ведение немцами войны. Достаточно подчеркнуть один пример из многих. В то время как в немецких районах Протектората удой молока на одну корову составлял 4,5 литра, в чисто чешских районах он превышал 8 литров. И достаточно указать на то, что желание чешского крестьянина сдавать свои продукты часто превышало его обязательства по поставкам, которые по политическим причинам были ниже аналогичных обязательств немецкого крестьянина в Рейхе.

Все это факты, которые нельзя объяснить только методами террора и подавления. Даже с помощью самых коварных, хитроумных и самых жестоко осуществленных мероприятий политической полиции нельзя заставить миллионы людей выполнять свою работу с той интенсивностью, той пунктуальностью и в том объеме, как ее практически выполняли чехи на протяжении всего времени существования Протектората. При этом не имеет значения, с какими чувствами и с какими внутренними оговорками выполнялась эта работа. Важно лишь то, что результат этой работы был необходимым фактором для военного потенциала Третьего Рейха. И важно то, что результат этой выполненной чехами работы мог бы быть во много раз меньше, и при этом немецкое руководство не смогло бы на практике предпринять против этого что-то по-настоящему действенное. Одним словом, чешский рабочий и с ним чешский служащий и чешский крестьянин просто сами, по собственному почину были готовы работать и делать то, что немец поручал им, и они были готовы работать изо всех сил. Это значит, что чехи не оказывали немецкому господству никакого сопротивления даже в тех сферах, где это было бы вполне возможно без какого-либо риска для самих себя. Еще меньше выступали они против немецкого

режима там, где сопротивление означало бы личный риск, угрозу их жизни или потерю средств к существованию.

Как раз перед окончанием написания этих строк меня посетил бывший шеф управления Гестапо одного большого чешского провинциального города. Он был выдан американцами из Глазенбаха чехам и ожидал смерти. Через один час после его доставки в тюрьму провинции к бывшему шефу Гестапо стали приходить с визитами разные люди: по очереди появлялись чиновники уголовной полиции, полицейские государственной полиции и адвокаты, которые сегодня представляют чешскую юстицию и которые все во времена немецкой оккупации были агентами и сотрудниками Гестапо.

У них всех была только одна просьба к растерянному бывшему гестаповцу, чтобы он, ради Бога, молчал в представительстве русского МВД в Праге, куда его с уверенностью передадут, и не выдал их. Бывший комиссар Гестапо, старый австрийский чиновник уголовной полиции, мгновенно понял изменившуюся ситуацию, и было заключено джентльменское соглашение, согласно которому он должен был молчать, а его бывшие агенты вступились бы в его защиту, чтобы его побыстрее освободили. И он действительно молчал в МВД, получил наказание в виде трех лет тюрьмы с учетом времени его пребывания в Глазенбахе (!) и давно уже был дома.

Но это не всегда должно было быть именно Гестапо. Чехи повсюду сотрудничали послушно и усердно.

После падения своего кормильца они теперь, с прямо-таки невероятной истерией перед победителем, перед соседом и перед самими собой пытались привести доказательства того, какие они, мол, национальные герои. С каждой обещанной женщиной, с каждым заживо сожженным немецким солдатом, с каждым затоптанным ногами до смерти ребенком они верили, что отмывают себя от многолетнего коллаборационизма.

Насколько далеко при этом зашли чехи, доказывают тысячи документальных сообщений, в которых зафиксировано, что даже самые жестокие и самые бессердечные из всех победителей, русские, во многих случаях больше не получали удовольствия от поведения чехов и много раз приказывали им прекратить их зверства.

То, что при этом ведущей силой являлись чешские коммунисты, хоть и непросто, но несколько объяснимо: они меньше всего выполняли свой революционный долг, и в годы правления немецкого Протектората они сделали очень мало, о чем можно было бы говорить. Они должны были в повышенной степени доказывать своим заказчикам, что именно они были теми, кто в борьбе против немцев стоит на самой передовой линии.

Так как после крушения немецких армий сделать это под защитой советских танков Т-34 было уже совсем не так опасно, как раньше, они тут же и приступили к этому доказательству.

После этой попытки политического объяснения само собой против большинства чешского народа возникает обвинение в убийствах, изнасилованиях, грабежах и в преступлениях против человечности, совершенные по отношению к трем миллионам беззащитных судетских немцев в следующих судебных тюрьмах:

Блатна, Бёмиш-Камниц, Бори, Брюнн, Будвайс, Эгер, Айзенброд, Эльбоген-Бург, Франкштадт, Фройденталь, Граслиц, Хоэнурт, Иглау, Егерндорф, Каплиц, Карлсбад, Клаттау, Круммау, Мэриш-Острау, Мэриш-Шёнберг, Ольмюц, Пильзен, Прага-Карлсгатц, Райхенберг, Штернберг, Табор, Тахау, Тетчен, Троппау и Валлерн.

В следующих так называемых «лагерях военнопленных»:

Бэрн, Бёмиш-Камниц, Брюнн-Слатина, Франкштадт, Яуэрниг, Йозефштадт, Кладно, Кёниггрец, Курим, Курвин, Мотель, Наход, Ольмюц-Нойе Вельт, Пардубиц, Пизек, Рабштайн, Рокитниц, Табор, Тахау, Тетчен, Травохиц, Знайм.

В следующих чешских концлагерях:

Адельсдорф, Альтролау, Арльсдорф, Аушвиц под Мариенбадом, Бишофтайниц, Бёмиш-Камниц-Рабштайн, Бёмиш-Трюбау, Бойденсдорф, Брюнн (Бозутиц, Клейдовка, Маломериц и Кауниц-Коллег), Брюзау, Будвайс, Кростау (округ Цвиттау), Добрис, Дукс, Эльбоген, Фрайвальдау, Фройденталь, Ханнсдорф, Хайнрихсгрюн, Хелененталь, Храдиско под Штеховицем, Егерндорф, Яуэрниг, Каплиц, Кладно, Клаттау, Койетин под Прерау, Колин, Кёниггрец, концлагерь для выздоравливающих Курвин-Кутины, Ландскрон, Лерхенфельд-Шёбриц под Ауссигом, Мэриш-Трюбау, Мариенбад, Мис, трубный завод Ной-Одерберг, Нойролау, Оберхайнцендорф, Одерберг, Одрау, Ольмюц, Ольмюц-Ходоляйн, Паттерсдорф, Прахатиц, патронный завод в Пресбурге, Прозецниц под Прагой, Рабштайн под Бёмиш-Камницем, Райхенау, Рёмерштадт, Ротхау, Рузин, Заац, Зандау под Мариенбадом, Шимровиц под Троппау, Шёбриц под Ауссигом, Штангерн, Штекен под Иглау, Штефанау, Штернберг, Тахау, Таус, Двур Тейниче под Бёмиш-Бродом, Тепль, Терезиенштадт, Тремоша под Пильзенем, Троппау, Веллешин под Круммау, Вельпет под Билином, Вигштадль, Фильзайфен, община Томасдорф, Вюрбенталь, Цвиттау.

(Все географические названия выше приведены в их традиционном немецком, а не чешском виде. – прим. перев.)

Всюду там страдали сотни тысяч беззащитных людей, единственной виной которых было то, что они были членами немецкой нации.

Сотни тысяч были убиты с невообразимыми мучениями и страданиями.

С десятками тысяч женщин обращались ужасно жестоко, насиловали их и избивали.

Тысячи стариков обоего пола, тысячи несовершеннолетних детей, тысячи больных, калек, инвалидов войны и инвалидов труда планомерно уничтожались. Международное агентство печати ED из Франкфурта сообщает 7 ноября 1949 о заявлении председателя Судетского немецкого землячества, где говорится, что в 1945-1949 годах 800 000 судетских немцев были застрелены, повешены или иным способом убиты чехами. Все эти преступления были совершены не только по отношению к мелким и самым мелким носителям рухнувшей системы и их родным; хотя даже в этом случае эти преступления все равно остались бы преступлениями.

Эти убийства, грабежи, изнасилования, короче, все эти преступления против человечности совершались в ЧСР против каждого, кому не повезло лишь в том, что он был рожден немецкой матерью. Между национал-социалистами и социал-демократами, между католиками, протестантами и верующими в Бога нехристианами, даже между коммунистами, между мужчинами, женщинами и детьми не делалось никакого различия.

Из ряда сотен и тысяч равносильных данным под присягой свидетельств жертв трагедии судетских немцев я приведу несколько протоколов высказываний испытанных антифашистов, сделанных ими для памяти общественности. Они свидетельствуют о том, что происходило на земле ЧСР с беззащитными людьми.

Хотя любое применение силы против побежденного в принципе предосудительно, неважно против кого, где и в какое время оно происходит, еще можно было бы, вероятно, понять, когда в революционные времена под колеса попадают носители свергнутой системы. Но также и в этом случае это было бы вопросом характера народа, как он ведет себя в дни такой мести, и в какой мере вообще существует такое моральное право на месть.

В ЧСР убивали, грабили и мучили не только носителей политической системы, но здесь изгоняли, убивали, насиловали и грабили людей без различия их политического и конфессионального направления.

Ниже будет дано слово нескольким выжившим после драмы в Судетах. Ввиду недостатка места автор вынужден был довольствоваться тем, что выбрал из множества рассказов, протоколов и заявлений под присягой те немногие, которые, однако, дают волнующее свидетельство о пережитом всеми.

Кровавая расправа в Ауссиге

Мария Бенацки: «30 июля 1945 года около 16.30 я услышала сильный взрыв в направлении Шеен-Призена. Одновременно из того же направления прилетел самолет в сторону города. Я находилась в это время в парикмахерской на Рыночной площади в Ауссиге (чешское название Усти-над-Лабем). Вскоре после этого я увидела, как чешские железнодорожники в форме, а также чешские гражданские лица нападали на немцев, которые все должны были носить белые повязки.

По тридцать и сорок человек они всегда нападали на одну жертву, ударами бросали ее на землю и топтали ногами, пока человек не оставался лежать. Голова и лицо после этого превращались в сплошную кровавую, бесформенную массу. Я сама видела как минимум двенадцать немцев в таком состоянии после побоев. Среди жертв были также женщины и девочки. Я сама слышала предсмертные крики одной девочки и видела, как ее топтали. Примерно в то же время по новому мосту приближались рабочие с завода, на которых набросились и преследовали их тем же способом. От тридцати до пятидесяти немецких рабочих бросили на площадь перед мостом, и чешские солдаты расстреляли их всех из пулеметов, чтобы трупы попадали в яму, если кто-то из немцев еще двигался. Множество немцев было в тяжелораненом состоянии брошено в Эльбу, и в них стреляли, если они выныривали из воды. Люди, которые ускользнули от этой кровавой расправы, были без разбора изгнаны в лагерь Лерхенфельд. Примерно 600 немцев лишились жизни в этот день в Ауссиге.

Многие признаки указывают на то, что это кровопролитие было специально запланировано и подготовлено. Через полчаса после взрыва чешские солдаты схватили свое оружие в школе Кёрнера и без особого приказа приняли участие в уличной охоте.

Один добродушный чешский рабочий в три часа пополудни отправил нескольких немецких рабочих, к которым он хорошо относился, из склада боеприпасов, который позже взорвался, домой прежде времени, хотя они сами возражали, что рабочий день еще не закончился».

220 человек убиты – женщины как садисты

Эренхарт Адам: «12 июня 1945 года я был отпущен из американского плена в Аалене около Штутгарта и, получив американский пропуск для пересечения границы, отправился в Чехословакию, чтобы найти свою семью. При переходе границы чешские пограничные власти отобрали у меня все продукты, которые я в момент освобождения получил от американской лагерной комендатуры для поездки, а также мои деньги, одеяло и шинель. В Варнсдорфе меня, несмотря на мои документы об освобождении, арестовали и отправили в лагерь военно-

пленных. Там я пробыл с 24 июля 1945 по 28 мая 1946. К моменту моего освобождения там находились еще примерно 2000 немецких военнопленных, несмотря на то, что они уже давно были отпущены из американского или русского плена. Они жили в самых плохих условиях, голодали, и без получения жалования использовались для самой тяжелой работы.

Особенно в моем лагере нас всех осмотрел врач из Праги в поисках эсэсовской татуировки с группой крови, и при этом были выявлены около двухсот эсэсовцев. Затем их отправили на пивоваренный завод в Находе, где гражданскому населению позволено было истязать их. Я сам был очевидцем, как все 220 человек были самым жестоким способом убиты гражданским населением.

Особо отличились чешские женщины, среди них некая госпожа Цинке из Находа, улица Коменского, 233. Госпожа Цинке хвасталась, что она убила бы еще больше, если бы могла. Женщины закалывали бывших эсэсовцев ножами и кинжалами, убивали их дубинками и винтовочными прикладами. Тела, которые еще показывали признаки жизни, были облиты бензином и сожжены. Я сам помогал грузить трупы на машины и хоронить их в трех братских могилах в замке Наход.

Военнопленных ежедневно избивали. Некоторым сломали челюсть и кололи их ножом. Некоторым выбили глаза. 8 мая 1946 года в пять часов пополудни на рыночной площади Находа при вывешивании флагов союзников гражданское население особенно жестоко издевалось над немцами. Группа чешских гражданских лиц гнала немцев по одному на расстоянии примерно 500 метров, и при этом чешское гражданское население избивало их палками – мужчин, женщин и детей. Многим подставляли ножку; если они падали, на них наступали ногами. Для истязаний их вызывали поименно. Чешская полиция была свидетелем этого спектакля, но не вмешивалась».

Мертвецы в отхожем месте

Альфред Гебауэр: «Я был арестован как немец 6 мая 1945 года в Праге и был размещен по очереди в лагерях министерства школьного образования, в школе Шарнхорста, в военной тюрьме Вермахта, на стадионе и в трудовой колонии до конца сентября, когда меня отправили в судебную тюрьму Троппау. Оттуда я был отпущен 12 июня 1946 для выселения. Я – инвалид войны с тяжелыми увечьями, и при аресте солдаты Власова дали мне пощечину и отобрали все мои вещи. Я собственными глазами видел следующее:

В школе Шарнхорста женщины-служащие СС должны были без одежды, которую сорвали у них с тела, валяться в лужах воды на земле. Затем их избивали ногами и прикладами винтовок, пока они не потеряли сознание. На стадионе на солдат СС перед пятью тысячами арестантов устроили с автоматами «охоту на зайцев». При этом двадцать солдат СС были застрелены. Некоторые

должны были прыгать в отхожее место, где их расстреливали из автоматического оружия. Они оставались лежать в отхожем месте, и арестанты и дальше должны были использовать это место как туалет. Женщин при транспортировке так сильно избивали резиновыми дубинками, что они падали на землю, обливаясь кровью. В школе верховой езды перед глазами других арестантов некоторых выхватывали без разбора и избивали так, что они падали, окровавленные. Затем их оттаскивали, после чего можно было услышать несколько выстрелов. Также многие чешские коллаборационисты были там убиты. Первые пять дней после моего ареста узники не получали ничего, кроме ковшика воды – все питание для 600 мужчин. На шестой день каждому выдали кубик сахара и галету. С седьмого дня мы получали лишь малопитательный суп, так что ежедневно 15-20 человек умирали от истощения.

При доставке в Троппау меня сильно избили. На протяжении восьми недель надзиратели крали все посылки с продовольствием, которые моя сестра отправляла мне в Троппау в тюрьму.

Я могу подтвердить это мое высказывание под присягой».

Человеческий ад

Эрика Гриссманн: «Я родилась 4 октября 1927 года в Массхаупте около Кладно и с этого времени непрерывно жила с моими родителями в Кладно. Таким образом, мы не принадлежим к имперским немцам, которые только после присоединения Протектората приехали в Кладно.

5 мая в Кладно вспыхнуло восстание чешских подпольщиков. Вооруженные члены 'Narodni Garda' блокировали все улицы, очищали места расквартирования немецкого Вермахта и военные госпитали, и выбрасывали раненых на улицу. Я видела, как толпа убивала этих раненых, бросая в них камни. 6 мая 1945 года начались так называемые домашние обыски, при которых все немецкие квартиры без разбора были разграблены. Мой отец, который был служащим на металлургическом заводе Полдихютте, был арестован вечером того дня и с тех пор остался пропавшим без вести. Я сама при первом домашнем обыске получила пощечину от чешского солдата, так как я якобы не укачала, где мы закопали наши украшения.

В следующий понедельник волны преследования немцев поднялись особенно высоко. Мы со второго этажа нашего дома видели, как через поля бежали бесчисленные немцы, которые хотели ускользнуть от их преследователей, но их расстреливали как зайцев огнем из пулеметов. Эта судьба встречала каждого немца без различия, будь он гражданское лицо или солдат, был ли он членом партии или нет.

В среду русские вошли в Кладно, и к тому же самому часу все немецкие поселения были очищены. Я услышала, как наша чешская соседка плакала на улице. Она сказала мне, что теперь скоро придет очередь и нас, Гриссманнов, и никто не сможет нам помочь. Через четверть часа члены 'Revoluční gardy' вошли в наш дом. Их предводитель, большой испачканный кровью парень, бросил ручную гранату через окно. Когда он встретил в нашем доме только меня с моей матерью и моим 15-летним братом, он бросил меня на диван и сказал: 'Я не буду насилловать тебя, этим займутся русские'. В то время как чехи с постоянными угрозами грабили наш дом, моя мать и мой брат ускользнули через ворота дома, а я убежала через окно. По нашей собственной улице, Врасгассе, мы должны были бежать, страдая от избиений.

Толпа чехов набрасывалась на нас и неоднократно нас избивала. Я видела, что только часть бывших соседей с плачем смотрит из окон.

Затем без какого-либо имущества, такие, как мы убежали из нашего дома, мы присоединились к куче беженцев, которая прибыла из окрестностей Унхозда. Большинство из них истекали кровью, так как чехи бросали ручные гранаты в нашу несчастную колонну.

На фабричной площади мы должны были с поднятыми руками стать напротив стены. Сначала моего 15-летнего брата избили чесалками. Затем несколько чешек напали на меня и мою мать. У моей матери на всей голове текла кровь. У меня самой они забрали серьги и банты, потом они хотели отрезать мне косы. Во время этих действий появился какой-то чех и громко закричал толпе: 'Самые красивые попадут к русским офицерам!'

Затем нас погнали дальше, и снова и снова били. Наконец, один поймал меня и за волосы затащил меня в машину; я потеряла сознание.

Когда я очнулась, я лежала на диване, перевязанная на голове и на руках. Около пяти высоких русских офицеров стояли вокруг меня. Один спросил меня, не голодна ли я и куда я хочу попасть. Я объяснила ему, что я хочу к своей матери. Он затем отвез меня на машине на футбольную площадку, где я сразу в воротах встретила мою мать с братом.

Когда моя мать увидела меня в этом состоянии, она упала на колени и громко закричала, чтобы нас больше не мучили и, наконец, застрелили. Затем она упала в обморок. Все это происходило в первой половине дня 9 мая 1945 года в Кладно. Вскоре после полудня нас пригнали к траншее, и нам сказали, что теперь нас расстреляют. Но появился чешский офицер и сказал, что до этого пока еще не дойдет.

Вместе со многими другими немцами нас погрузили в грузовик и привезли на рыночную площадь Массхаупта. После того, как толпа плевала в нас и забрасывала камнями, нас отвезли обратно на футбольное поле в Кладно.

Много немецких солдат с огнестрельными ранениями в голову и в живот лежали на земле, и никто не заботился о тяжелораненых. И моя мать тоже только что была сломлена болезнью. Немецкого доктора, которого я попросила помочь ей, избил чешские охранники.

Затем нас на открытой площадке заставили раздеться вплоть до рубашки, и чехи осматривали нас. Потом нас снова погрузили на машины и отвезли в казарму в Кладно. Там я увидела страшное: гражданские и солдаты лежали в лужах их собственной крови, и никто не мог им помочь. Очень много было самоубийц, которые хотели таким коротким путем избежать мучений.

Я видела массу маленьких детей, которым их родители перерезали горло, чтобы такой быстрой смертью уберечь их от дальнейших мучений. Чешский врач, который появился с медицинской сестрой, перевязывал некоторых из них. За все это время мы не получали никакой еды.

Во второй половине дня нам внезапно сообщили, что мы все должны лечь плашмя, так как поблизости будут что-то взрывать. Послышался сильный взрыв. Когда шум утих, какой-то чех неподалеку от меня сказал: 'Это не было достаточно близко!'

Во второй половине дня 10 мая тяжелобольных и тяжелораненых погрузили в санитарные машины, легко раненые выстроились для пешего марша. Перед воротами казарм тем временем собралась воющая толпа, которая закидывала нас камнями.

Какой-то чех с большого листа бумаги зачитал воззвание, в котором он объявил всех немцев преступниками. Он кричал на нас, что мы теперь, когда мы покинем казарму, должны будем расплатиться за все это. Внезапно в массу немецких пленников снова полетели ручные гранаты, что привело к множеству жертв.

Появился чешский священник и делал массе умирающих людей соборование. Однако многие раненые отвергли это предложение.

Благодаря настоянию моей матери нам удалось разместиться в санитарном автомобиле. Я сама получила от немецкой медсестры капот Немецкого красного креста, вследствие чего я в некоторой степени могла быть защищена. При поездке из Кладно нас останавливали русские посты. Однажды красноармеец открыл наши санитарные машины и приказал мне следовать за ним, так как я, мол, вовсе не медсестра. Но раненые начали защищать меня. После этого русский объявил, что они должны будут отдать ему либо все их часы, либо меня. Тяжелораненые немецкие солдаты отдали ему все свои часы и кольца и таким способом выкупили меня.

Наша колонна затем поехала на запад Богемии. Скоро мы должны были покинуть санитарные машины и присоединились к большим потокам беженцев, которые двигались в сторону американской оккупационной зоны. Все это время мы не получали никакой еды. Мы в большинстве случаев спали на открытом поле, и ночью к нам часто приставали чешские и русские солдаты. Среди прочего, некоторые из сопровождающих нас сестер Немецкого красного креста были изнасилованы русскими часовыми незадолго до Петчау. С моей матерью и моим братом я попала, наконец, к моей бабушке и дедушке в Германсхютте у Миса, где я нашла работу сначала на чешской ферме. В ноябре 1945 года американцы во время своего отхода забрали меня с собой в Баварию».

Расстрелянные по десять человек

Хильдегард Хуртингер: «15 мая чешская чернь вытащила меня из моей квартиры в Праге и с ударами палками и винтовочными прикладами за волосы протащила меня около 500 метров до школы Шарнхорста. Там меня полностью ограбили, так что у меня остались только чулки и платье, которое было у меня на теле. Чешская комиссарша допрашивала меня и утверждала, будто бы я в 1942 году, в то время, когда я вообще была не в Праге, а в Теплице, отправила в концлагерь 16 чехов, которые якобы погибли там. При каждом возражении мне давали пощечину. Затем меня привели в так называемую «репарацию», где со мной и с другими арестантами, мужчинами и женщинами, обращались самым бесчеловечным образом. Ночью всех узников снова вывели на двор, отсчитали там по десять мужчин, женщин и детей – в том числе также моих двух братьев с семьей – и расстреляли их перед глазами остальных арестантов. Самому младшему ребенку моего брата было всего пять месяцев.

Тогда мы должны были копать могилы, раздевать трупы и закапывать их. Кроме официальных казней днем и ночью в арестантов постоянно просто стреляли без разбора, при этом погибали бесчисленные беззащитные люди. В одном таком случае я тоже получила легкое огнестрельное ранение в шею. Я целые сутки оставалась лежать под трупами, потому что я не решалась встать. Тогда чехи появились над трупами и вслепую кололи штыками еще живых; при этом я получила удар штыком в левую руку. Но я сдержала боль и не двигалась, так что я снова 'спаслась' в «репарации». Однажды я восемь дней не получала никакой еды. Детям выдавали еду из плевательниц. Детей, которые от этого отказывались, убивали.

Беременных женщин вооруженные чешки вытаскивали из камер, выводили на двор, там их раздевали и избивали, потом затаскивали в уборные и били до тех пор, пока у них не случался выкидыш. Мне самой приходилось помогать оттаскивать умерших из-за этого женщин. Много дней как минимум по десять женщин погибали таким образом.

Днем группы из 6-8 женщин отводили для работ в церковь Святого Годегарда. Там мы должны были целовать уже начавшие разлагаться трупы, стаскивать их в кучу и начисто вылизывать пол церкви от текущей там крови. При этом чешская чернь наблюдала и постоянно избивала нас. Я также видела, как немецким мужчинам, в том числе инженеру Фэрберу из чешского института, свечками выжигали свастику на ладони.

20 мая 1945 нас отвели для работы на Венцельсплатц (Вацлавская площадь в Праге); там немецких мальчиков и девочек, а также немецких военнопленных вешали перед нашими глазами за ноги на фонарях и деревьях, поливали керосином и поджигали.

До 19 сентября я была в школе Шарнхорста. Зверства продолжались все время, без перерыва. Затем меня отвезли в Панкрац и оттуда направили на фабрику «Филипс» в Праге для работы.

6 ноября 1945 года тамошний начальник лагеря очень жестоко избил меня резиновой дубинкой, так как я выразила желание пойти в церковь; это был день моей свадьбы».

Массовое убийство в Иглау

Франц Каупиль: «13 мая 1945 года начался террор чехов в Иглау (чешское название Йиглава). Следующей ночью около 1200 немцев совершили самоубийство. К Рождеству было примерно 2000 мертвых. 24 и 25 мая немецкое население за двадцать минут было изгнано партизанами из их квартир и заперто в лагерях Хелененталь и Альтенберг. Эти лагеря официально назывались концентрационными лагерями. В Хеленентале были размещены 3700 человек, в Альтенберге около 3000. Никто не заботился о достаточном количестве питьевой или технической воды. Не было никаких туалетов или душей. В первые восемь дней не было также никакой еды, позже был только водянистый суп и 100 граммов хлеба ежедневно. Дети получали одну четверть литра молока после первых восьми дней.

Каждый день несколько стариков и маленьких детей умирали. 8 июня узников Хеленентале полностью ограбили и на следующий день пешком направили через Тельш в Штангерн, на расстоянии в 33 километра. Это был марш смерти. Людей подгоняли ударами плеток. Пожилых людей, если они падали обессиленные, увозили на машинах. Вследствие истощения и голода этот марш стоил жизни 350 человек. В Штангерне 3500 человек загнали в лагерь, в котором могло разместиться лишь 250 человек. Несмотря на дождь, большинству пришлось спать под открытым небом. На следующий день семьи были разделены и размещены в пяти различных лагерях, отдельных для мужчин, женщин и детей. На протяжении восьми дней не выделялось никакого продовольствия. Затем были привычные уже супы.

Обращение было недостойным человека. В женском лагере однажды одним выстрелом были убиты четыре женщины и одна тяжело ранена. Среди них госпожи Фридль и Керпес. Телесные наказания были обычным явлением и для мужчин, и для женщин. Была также камера для порки. Узников лагеря лагерное начальство продавало чешским крестьянам в качестве работников. В августе ситуация немного улучшилась, но все же до Рождества в Штангерне умерли около 500 арестантов. В январе лагерь Штангерн был распущен. 9 января 1946 года меня посадили в тюрьму предварительного заключения и выпустили 7 августа 1946. Там я слышал от очевидцев или сам видел самые страшные зверства.

10 июня 1945 года 16 арестантов из Иглау вывели из камер и расстреляли в лесу Ранценвальд. Среди них были старый городской священник Гонсик, Говорка, Аугустин, Бисконс, Бруннер, Лашка, Мартель, Кэстлер и другие. В здании суда еще в мае 1945 года без какого-либо судебного процесса были застрелены: Краутшнайдер, Каливода, Мюллер и Руффа. Некий Хоффманн был забит до смерти.

Самым страшным надзирателем был Рыхецкий. У фабриканта Кребса сняли скальп. Архитектор Ланг умер в результате истязаний. 70-летний полковник Цобель повесился в камере. Еще сегодня много людей удерживают в тюрьме как рабочую силу, так как персонал суда использует их для своих личных работ. Многих людей самыми жестокими истязаниями вынудили дать показания против самих себя, и теперь они сидят в тюрьме за преступления, которые они вовсе не совершали.

Я могу под присягой подтвердить эти показания, а также назвать других свидетелей этих событий».

* * *

Среди несчастных жертв частично находятся даже антифашистские активисты, который, после того как союзники освободили их из концлагерей, радостно поспешили к себе родину, чтобы своим трудом помочь построению демократической ЧСР. Мы приводим их равносильные присяге заявления как убедительные доказательства для всего мира.

Ниже они рассказывают о своей судьбе.

Чешский антикоммунист должен был пить кровь

Карл Шёнер: «У меня в Праге, Фруктовый переулок, дом 9, был частный зубо-врачебный кабинет. 6 мая примерно в шесть часов вечера у меня зазвонил внутренний телефон, и мне сказали, что я должен спуститься с поднятыми ру-

ками. Когда я отказался, ко мне в квартиру вошли около 14 партизан, вооруженных до зубов, обыскали дом в поисках оружия, и арестовали меня и мою жену Шарлотту, а также одного приятеля по имени Ганс Крамер из Бреслау (Вроцлав).

Нас привели в полицейское управление, а поздним вечером отправили в тюрьму на Карловой площади, где меня разлучили с моей женой. Из вещей у нас было только то, что было на нас надето. Я узнал о моей жене позже, примерно через три месяца, что ее отправили в Терезиенштадт. Два дня спустя нас еще с 20 мужчинами разместили в камере размером приблизительно 4 на 2,5 метра, без одеял и соломенных тюфяков. Десять мужчин, которых привели к нам, были необычайно сильно – вплоть до неузнаваемости – избиты, и особенно у них были раздавлены ступни!

Там я оставался до 24 мая. Все это время мы должны были убирать баррикады и мостить улицы; к месту работы мы должны были идти с голой верхней частью туловища, при этом нас ругали, в нас плевали и нас избивали, не только чернь, но и хорошо одетые люди. За короткое время у нас всех завелись вши, и первые десять дней у нас вообще не было воды, чтобы помыться. Лекарств и врачебной помощи для больных и раненых не было. Питание состояло из двух чашек черного кофе в день и один раз в день суп с одним куском хлеба. Иногда еду вообще не давали. На двадцать человек было десять мисок для еды и две ложки.

В период с 8 по 13 мая можно было почти непрерывно слышать крики избиваемых заключенных, злое рычание надзирателей и мольбу молодых людей, причем особенно жестоко избивали 15- и 16-летних ребят, которые размещались в лагере Гитлерюгенда под Прагой. Один высокопоставленный чешский офицер полиции, который был антикоммунистом, должен был вытирать лужи крови и затем пить кровь. Имена людей, которые сидели вместе со мной, мне известны. Среди них было три адвоката, председатель участкового суда, оставший немецкий генерал, и так далее.

24 мая нас, приблизительно 150 мужчин и женщин, привели на вокзал, там солдаты 'Revoluční gardy' нас ограбили и избили, а потом мы приехали в Раудниц. Многие без ботинок, все без пальто, многие без пиджаков. Меня направили к одному крестьянину для принудительного труда. Еды было мало, размещение очень плохое. Нас было 8 мужчин, и мы должны были исполнять работу 14 словаков. Наша одежда состояла из старых мешков.

Чешский художник-оформитель по имени Марек из Праги VII, которого особенно жестоко избивали, рассказывал мне, что тогда во время грабежей немецких жилищ также женщин и детей выбрасывали из окон и, так как он попытался защитить одну женщину с маленькими детьми, то его тоже так жестоко избили и отправили в тюрьму.

Один мой товарищ рассказывал мне, что его с женой десять дней держали под арестом в кинотеатре.

Каждый вечер между 10 часами вечера и 3 часами ночи русские забирали себе немецких женщин и девушек. Однажды ему с другими заключенными пришлось закапывать 47 трупов немецких женщин, которые были изувечены.

Я говорил с чехом Клецандой, который как антикоммунистический чех был оптимистом, и одобрял нас, чтобы мы держались. Он производил впечатление абсолютно здорового человека и не думал о самоубийстве. Позднее я прочел в газете, что Клецанда умер в тюрьме.

Мне позже удалось сбежать и добраться до американской оккупационной зоны. Во время бегства я встретил знакомого – члена немецкой филармонии в Праге, который видел, что немецких женщин, когда они от изнеможения после тяжелой работы падали прямо на улице, охранники раздевали и для насмешек чешской молодежи клали их голыми на скамейки. Другие должны были становиться в ряд, и молодые люди плевали им в рот и заставляли их, чтобы они глотали. Университетского профессора доктора Михля избили до потери сознания, и он остался лежать, обливающийся кровью.

Моя кузина, имя которой я могу сообщить, рассказывает о Брюксе, что тамошнего декана и капеллана католической церкви привязали к церковным скамьям и избивали, пока те не потеряли сознание. Теперь старый декан работает горнорабочим в шахте.

Одна моя знакомая дама из Праги пишет мне (я сохранил ее письмо), что из многочисленных немецких врачей в Праге, которых держали под стражей в палате представителей, большинство были избиты до смерти. Среди них университетский профессор доктор Краус, университетский профессор доктор Альбрехт, университетский профессор доктор Грайпль и университетский профессор доктор Вацка, а также врачи доцент доктор Вайнцирль, доктор Тихий и доктор Шпанель. Это только часть имен, которые я помню».

Обожженный с помощью пропитанной бензином древесной шерсти

Рудольф Пайер: «Меня содержали под арестом с 8 мая 1945 по 6 июня 1946 в судебной тюрьме Клаттау. Наряду с самыми тяжелыми истязаниями, которые я должен был переносить, как все другие, я три раза в июне и дважды в июле 1945 года получал так называемую «коррекцию». Каждый вечер до августа и еще позже всех новоприбывших, без разбора 4-5 арестантов тащили на «коррекцию». При этом со мной происходило следующее:

Каждый раз меня голого связывали по рукам и ногам и избивали до крови стальными прутами, которые были покрыты кожей. Того, кто терял сознание,

поливали водой и затем били дальше, пока сам избиваемый не выбивался из сил. Однажды мне между ног засунули пропитанную бензином древесную шерсть и подожгли, так что у меня был ожог половых органов. Я сам в июне и июле вынес из тюрьмы четыре трупа, в том числе Мукеншнабеля из Дешеница, который якобы покончил с собой в «коррекции». По моему убеждению, его там избивали до смерти. Потом сын бывшего депутата Цирхута, который умер в тюрьме. Имена других покойников я не знаю. Я сам видел, как в тюремном дворе двух молодых солдат, 16 и 17 лет, после перенесенных ими жестоких истязаний, застрелил выстрелом в затылок какой-то чех в форме».

Массовые изнасилования в Зааце

Роберт Риф: «Я до 10 октября 1945 года был в Зааце (чешское название Жатец) и мог своими глазами видеть все, что происходило в моем родном городе со дней переворота. 7 мая русские, пришедшие на танках со стороны Рудных гор, заняли город, который был переполнен разными беженцами и отходящими колоннами немецкого фронта в Моравии, а также многочисленными ранеными в военных госпиталях.

3 июня чехи взяли управление в свои руки, арестовали все мужское население без различия партийной принадлежности и отправили их в лагерь в Постельберг. Там немцев тысячами затолкали в казарменный двор и оставили их без какого-либо питания. Утром 4 июня появились члены Революционной гвардии и наугад стреляли в толпу. Наряду со многими ранеными было трое погибших, среди них мой знакомый Хайденрайх.

Чешский полицейский Марек шел по лагерю и убивал из револьвера немцев, тоже без причины. Пять 13-15-летних мальчиков, в том числе маленький Кёрнер, отец которого должен был смотреть на казнь, были поставлены к стенке и застрелены без какого-либо суда. Из застреленных без какой-либо особенной причины мне были знакомы: архитектор Хайнцель, капитан Лангер и химик Хаусманн. По моим оценкам, количество расстрелянных в Постельберге немцев составляло около 600 человек.

13 июня, после того, как все мужчины были уже вывезены, всех немецких женщин привели в лагерь в Зааце, а именно в бывшую казарму СС. Там царил бесчеловечная ситуация. Чешские часовые избивали ногами женщин, в том числе беременных, давили их ногами и без разбора приказывали оказывать им низменные услуги. Вечером ворота лагеря открывались для русских солдат, которые как дикие звери набрасывались на женщин и насиловали их. При этом они совершенно не обращали внимания на окружающих, и насиловали своих жертв публично. Чехи развлекались тем, что наблюдали за происходящим. Среди прочих, дочь коммерсанта Пихерта была изнасилована в присутствии ее матери, которая должна была продолжать лежать в кровати над ней. В конце июня все женщины должны были раздеться догола. Утверждалось,

будто бы у них ищут спрятанные украшения. И это тоже происходило в присутствии детей.

Продовольственное снабжение лагеря состояло только из 200 граммов хлеба и выдаваемого дважды в день картофельного супа. Мужчины и женщины отправлялись для работы в деревню и в угольные шахты Брюкса, частично они также снова работали в Зааце, но им не было разрешено входить в их жилища.

Заац, прежде чисто немецкий город примерно с 20 000 жителями, к тому времени совсем обезлюдел. Дома стояли совершенно пустыми, за исключением тех, в которых уже устроились чехи. Из внутренней части Богемии прибывали в массовом порядке неизвестные личности, которые грабили бесхозные квартиры и исчезали с наполненными чемоданами и рюкзаками. Население, таким образом, за несколько дней лишилось всего своего добра. В закрытых машинах к границе привезли сначала больных и дряхлых людей (в конце июня), затем выборочно также другие слои населения.

Также коммунисты (например, мой знакомый старший мельник на мельнице Крёбельмюле, господин Хубель с его женой) были вывезены такими транспортами. Пока они доехали до границы, большинство из них были ограблены по три-четыре раза.

Много людей прибыло из Постельберга прямо в Брюкс в находящийся на гидрогенизационном заводе так называемый 28-й лагерь, в котором заключенные должны были часами носить кирпич вверх и вниз по лестнице. С похожими мучениями мы сталкивались уже в лагере Постельберг, где чехи в помещении казармы соорудили паровую («потогонную») камеру, в которой – а это было в июле – они включали на полную мощность паровое отопление и жестоко убивали людей, особенно пленных немецких солдат.

Врачу доктору Криппнеру, женатому на чешке, чехи затянули вокруг шеи детонирующий шнур, и пустили по шнуру электрический разряд, вследствие чего его тело было изувечено. После эксгумации его трупа, которой добилась его жена, несколько чешских часовых были переведены в другое место службы».

Антифашисты и социал-демократы убиты

Йоханн Партиш: «24 июня 1945 года в Энгельсберге так называемая Революционная гвардия собрала вместе восемь мужчин, в том числе и меня, и отправила в концлагерь в Фройдентале. Мы провели десять дней в одиночном заключении, и нас избивали каждую ночь и неоднократно днем. Избиения повторялись каждую ночь от 6 до 7 раз с интервалом в полчаса. Всех нас после этих избиений уже нельзя было узнать.

Самым худшим днем было 4 июля 1945. В этот день побои начались уже рано. Затем 25 арестантов должны были копать яму; во время копания их непрерывно били. Затем все арестанты были собраны вокруг ямы. Нам зачитали приговор на чешском языке, который большинство из нас не понимали. Затем из барака привели двадцать наполовину раздетых людей, они должны были встать на колени перед ямой. А затем десять чехов расстреляли их из автоматов и побросали в яму. Вторые десять последовали немедленно. Среди них были Вильгельм Банин из Энгельсберга, старший учитель из Энгельсберга Герман Юст, который как бывший социал-демократ был уволен с должности чиновника, радиоспециалист Фролер из Фройденталя, который как антифашист входил в немецкую революционную гвардию, крестьянин Циммерманн из Дюррзайфена, который, как было известно, хорошо относился к иностранным рабочим и помогал им.

Могильщик Ридль Густав из первой группы был только ранен выстрелами; он через три минуты выполз из ямы и попросил еще об одном выстреле. Чех еще раз выстрелил в него из автомата. Спустя еще несколько минут Ридль снова поднялся из ямы; в него выстрелили еще раз.

Густав Альраун и Альфред Никманн, оба из Энгельсберга, должны были закапывать яму. Они видели, что Ридль и еще несколько других еще были живы, и что их добились чехи только ударами прикладов.

Предыстория этой казни была такова:

Два чеха из городской охраны пострадали в результате несчастного случая, когда возились с русской ручной гранатой. Один погиб, другой был тяжело ранен. Это было выяснено русской городской комендатурой. Чехи, однако, утверждали, что в радиомагазине взорвался дистанционный взрыватель, и что якобы немцы подложили туда этот дистанционный взрыватель. Чехи тут же потребовали от русской комендатуры расстрелять сначала сто, затем пятьдесят немцев, но русские им в этом отказали. Наконец, двадцать человек были застрелены без разрешения.

В Фройдентальском лагере находились молодые люди в возрасте от 11 лет и старше. Хельмут Мур, 16 лет, был застрелен 26 июня, потому что он ушел к своей матери. Затем было объявлено, что каждый беглец, если его поймут, будет расстрелян вместе с десятью членами его лагеря, а если его не поймут, то расстреляют его семью и еще десять других человек. Я лично закопал руками хозяина ресторана Адольфа Тиля из Ной-Фогельзайфен, так как мне не разрешили использовать для этого лопаты, которые были в наличии».

Жестокое обращение с антифашистами и жертвами политических преследований

Карл Лёйхтенмюллер: «Я был членом социал-демократической партии на протяжении 27 лет, что также было хорошо известно чехам. Однако 23 мая 1945 года меня арестовали и отправили в районный суд в Будвайс, и обращались со мной самым бесчеловечным образом. 12 февраля 1946 меня отправили в лагерь в Будвайсе. И там обращение было плохим. Моя жена была тоже арестована 29 августа 1945 года, и 14 месяцев содержалась в лагере Каплиц. Наша квартира была полностью разграблена».

Немецкие заключенные концлагерей избиты почти до смерти

«До января 1938 года я был руководителем полицейского управления в Нойдеке, после присоединения Судет я был 15 марта 1938 года арестован в Лубенце и до 13 ноября 1942 года содержался в заключении в концлагерях Дахау и Флоссенбург. В конце концов, меня использовали как водителя в Норвегии, где я после капитуляции попал в плен к англичанам. В октябре 1945 я с транспортом репатриированных вернулся в ЧСР. Там меня со всеми другими членами этого транспорта содержали в лагере Мотол, при этом у нас отобрали все вещи, которые дали нам с собой англичане, все богатое и хорошее оснащение, одеяла, продукты и т.д., кроме только одного одеяла.

Нас разместили в пустых нетопленных помещениях с каменным полом. Многих заключенных лагеря ежедневно избивали на протяжении четырех недель. Из лагеря специально выделенные группы работников отправлялись для работы у крестьян, на фабриках, для дорожных работ в Праге. Большую часть рабочих этих специальных групп избивали также во время работы. Мой племянник в новогодний вечер на улице Праги, по дороге с работы, был так сильно избит каким-то русским солдатом, что от этих телесных повреждений он позже умер.

Меня самого в начале марта отпустили из лагеря Мотол в Нойдек, где я был членом антифашистского комитета. При официальном признании антифашистов чешские власти делали большое различие между социал-демократами и коммунистами, и из немецких членов социал-демократических организаций было признано антифашистами только 10%, а из коммунистов, однако, вдвое больше, чем было членов этих организаций в 1938 году».

Отобранное удостоверение антифашиста

«В период с 12 по 18 августа кто-то пробрался на церковное подворье в Мальшине и похитил там деньги – 18 230 крон. Как антифашист я мог посещать гостиницу и встретил там 14 августа чешского комиссара, который в очень

большом волнении прибежал с церковного подворья в гостиницу и уселся рядом со мной. Он объяснил мне, что у него был хороший «улов» на церковном подворье. При этом у него из кармана выпали четыре банкноты по сто крон, и я увидел, что его пиджак был набит деньгами. Несмотря на то, что я сразу понял, что чешский комиссар был вором, я ничего не предпринимал, так как я знаю, что если немец сообщит о преступлении, даже если этот немец антифашист, то это бесполезное занятие в Чехословакии. В начале октября этот комиссар пришел и отобрал у меня мое удостоверение антифашиста, не дав мне при этом никакой расписки».

Немецкие коммунисты дают показания, равносильные свидетельствам под присягой

Герберт Шернштайн: «Я еще до войны был членом коммунистической партии, и с 18 октября 1938 по 9 декабря 1945 находился в концентрационных лагерях Терезиенштадт, Заксенхаузен и Равенсбрюк. 8 июля я вернулся из концлагеря в Ауссиг, где чехи как раз вывезли мою мать. Несмотря на мои документы (членский билет компартии и удостоверение узника концлагеря) я всюду сталкивался с грубым отказом. Со словами «Nemec jest Nemec» («немец остается немцем») мне всюду говорили, что я не могу быть исключением.

Со многими из моих бывших товарищей обращались точно так же, несмотря на их документы антифашистов. Так у моего друга Вилли Кребса в Ляйтмерице, который был организатором компартии в Прёдлице, еще два месяца назад всего за пять минут отобрали его продовольственную лавку. Чехи, а также чешские коммунисты никогда не поддерживали нас. Я также убежден в том, что в КПЧ находится много фашистских элементов. Так в Ауссиге есть инспектор уголовной полиции Либиш, который сегодня утверждает, что он самый большой коммунист, но именно он перед войной преследовал меня самого как раз из-за моей принадлежности к коммунистической партии.

О происшествиях во время большого взрыва рядом с сахарным заводом Шёнпризен, когда погибло около тысячи немцев, я могу дать точные сведения, так как я случайно проходил там, когда направлялся из Шрекенштайна в Ауссиг. Это был взрыв склада снарядов, устроенного рядом с сахарным заводом в Шёнпризена, который во время войны был присоединен к химической фабрике. Чехи обвинили во взрыве немцев и приняли против них самые радикальные меры. После четырех часов вечера члены Svobodní Garda согнали всех немцев близлежащих кварталов из их жилищ и в массовом порядке погнали их в воды Эльбы. Я видел, как женщины и дети тонут в волнах; на горе Фердинандсхёз чехи устроили пулеметные гнезда, оттуда они стреляли в немцев, которых несло течение реки. По моей оценке, таким способом было убито около тысячи немцев. Особенно сурово чехи обращались с немецкими антифашистами, которых можно было узнать по красным повязкам. Чехи объявили, что эти немцы – главные виновники случившегося. Многие немцы, по словам

знакомой мне дочери семьи Клиндер из Прёдлица, еще сегодня числятся пропавшими без вести.

Множество немцев были изгнаны в лагерь в Лерхенфельд, где они должны были жить в самых жалких условиях. Лагерь позже был перемещен в Шёбриц. Там часто можно было видеть желтый флаг, который должен был отпугивать посторонних от посещений по причине заразных болезней и означал: «осторожно – голодный тиф!». В Шёбрице ежедневно от этой эпидемии умирали от 300 до 400 немцев. Бывшие заключенные фашистских концлагерей, в том числе некий Влчек и руководитель работ Чуба особенно грубо обращались с немецкими арестантами и своей жестокостью намного превзошли хорошо знакомые мне по собственному опыту методы нацистских концлагерей.

Я сам вынужден был покинуть мой родной город Ауссиг, так как чехи не дали мне возможности для жизни, и так как я больше не мог терпеть ту бесчеловечность, с которой они искореняли немецкое население».

Коммунистический секретарь ячейки 3: «Я по профессии машинист локомотива и до присоединения Судет в 1938 году был членом коммунистической партии в Теплиц-Шёнау, где я жил. Я был секретарем ячейки 3 и был арестован после присоединения, и находился в тюрьме 13 месяцев. После моего освобождения из тюрьмы я переехал в Куттершиц, снова был арестован 13 декабря 1940 года и просидел в тюрьме 2,5 месяца, так как я продолжал высказаться против национал-социализма.

9 августа 1940 года меня, согласно представленному свидетельству о снятии с воинского учета командования военного округа Теплиц-Шёнау, номер 04/26/16/10, исключили из немецкого Вермахта.

Но 26 июня 1943 я был все же призван в 999-й штрафной батальон в Хойберге, однако 1 ноября 1943 из-за самовольной отлучки был осужден на 15 лет тюрьмы. После моего осуждения меня включили в группу обезвреживания бомб как пиротехника, и я обезвредил более тысячи сброшенных неразорвавшихся бомб. Затем меня отправили в тюрьму Банцевер вблизи Белграда 26 июня 1944. Из-за опасений моего возможного побега я попал в Белград, из Белграда был отправлен в Херцогенбург на военный завод, оттуда меня перевели в тюрьму города Грац.

21 февраля 1945 я был отпущен из тюрьмы Граца по причине бомбежек и переполненности тюрьмы, получив представленную справку об освобождении. После этого я поехал в Куттершиц и должен был там вступить в Фольксштурм, но не сделал этого.

Когда 8 мая 1945 русские вошли в Куттершиц, там образовалась чешская Революционная гвардия, и начались зверства. В Куттершице, где жило около 600

человек, без допросов и приговора были застрелены 14 человек, среди них инженер Бенке, старший штейгер Польш, Хиршманн, Майер, Шэфер; причем их застрелили прямо в шахте. Из остальных многих избивали, 40 членов Имперской трудовой повинности, все молодые ребята от 14 до 16 лет, были расстреляны из пулеметов, и, не обращая внимания на то, мертвы они были или еще живы, все они были зарыты в щелевых убежищах возле их барачных корпусов.

Много немецких женщин в Куттершице, Хостомнице, Билине и в других местах были публично изнасилованы и затем изгнаны. Обстоятельства, которые господствовали там, просто неопишуты. Я продолжал работать у чехов, получил документы, что я действовал в подполье, а именно от антифашистской комиссии района Билин 16.7.1945, затем получил экспертное заключение от производственного совета шахты Патрия II в Куттершице 27 июня 1945 и от полиции в Билине 28 июня 1945.

Я получил чешские продовольственные карточки, мог сначала свободно передвигаться и не должен был носить повязку. Я был секретарем Антифашистской партии в Куттершице и заботился о бедствующих немцах. Это вызвало неудовольствие чехов, которые ненавидят все немецкое, без учета политической позиции немцев.

Дошло до того, что меня арестовали 21 ноября 1945 года и отправили в районную уголовную тюрьму в Брюкс. 13 декабря 1945 я был временно выпущен из-за недостатка места в тюрьме и снова вернулся в Куттершиц.

6 января 1946 года два жандарма вошли в мою квартиру, я, к счастью, тогда не был дома, и хотели арестовать меня. Но меня своевременно предупредили, и когда я пришел на работу, мне не разрешили начать работать; мне сказали, что меня арестуют. Поэтому я, совсем без денег, убежал с родины и пришел сюда через Саксонию.

Террор чехов против всего немецкого принял такие формы, что оставаться дальше в Судетах стало невозможным. При этом не играет роли, идет ли речь о коммунистах, антифашистах или о прочих немцах. Уже тысячи немцев умерли в лагерях в результате пыток чехов.

Я также могу подтвердить, что после большой катастрофы взрыва в Шёнпризене под Ауссигом, которая возникла из-за ненадлежащего обращения со стороны чехов, бесчисленные немцы подверглись жестокому издевательствам, были убиты и заключены в тюрьму. Женщин с детскими колясками сбрасывали в Эльбу с моста Эльбебрюкке, который соединяет Ауссиг с Шрекенштайном, другие были убиты на улицах и дорогах, их стаскивали с велосипедов и до смерти забивали ногами.

Мои коллеги Й. и Б. из Шватца бесследно исчезли с того времени».

Гестапо как капо

Фердинанд Брукдорфер: «Я подсобный рабочий, я не был членом НСДАП и ее формирований, и я также из-за болезни глаз не был солдатом. Меня призвали в Фольксштурм, я прибыл на венгерский фронт и после окончания войны был отпущен в Линце из американского плена.

2 мая 1945 года я с моим законным документом об освобождении из плена приехал в Айзенштайн, где живут мои родители, и где я раньше работал в Регенхютте на стекольном заводе. 19 июня меня арестовали чехи, так как я был членом Фольксштурма. После трехдневного заключения в тюрьме Айзенштайна я был переведен в барачный лагерь Клаттау.

Мы были размещены в бараках на армейских койках и должны были работать в сельском хозяйстве. Каждого остригли наголо, на спине моей шинели была нашита большая свастика, кроме того каждый носил желтую повязку с напечатанной буквой «N».

Сразу после прибытия в Клаттау я непрерывно получал от чешских охранников пощечины и удары кулаком. Меня привели в так называемую «коррекцию» в подвал, там меня полностью раздели, обливали холодной водой, и затем 4-5 мужчин избивали меня плетками. Я потерял сознание и упал в воду, слою в десять сантиметров покрывающую пол. Когда я очнулся, меня снова били. При этом мои руки были скованы железными цепями. Эта процедура повторялась день и ночь, а также ей подвергали мальчишек от 10 до 12 лет за то, что у них якобы нашли оружие.

Также женщины (в том числе знакомая мне Луиза Юнгбек из Айзенштайна) должны были раздеваться в этой палате догола. Им отрезали волосы. Затем их тоже избивали чешские легионеры. Об изнасилованиях при этом я не могу вспомнить. Многие мужчины не смогли вынести мучения и умерли. Среди них мне лично были знакомы: коммерсант Карл Фукс и архитектор Пассауэр, оба из Айзенштайна. Они были убиты в Клаттау в 'Черной башне'.

Питание в лагере состояло из двух килограммов хлеба для восьми человек ежедневно и два раза в день картофельный суп. Работали мы от пяти утра до вечерних сумерек. Но лечь на койку позволялось только в десять часов вечера.

Некий Соубек, который в Вене служил в Гестапо, также сначала был арестован чехами, но потом они использовали его как надзирателя против других немцев. Он тоже избивал нас».

Социал-демократические антифашисты избиты почти до смерти

А. Хайндль: «До 1937 года я был членом социал-демократической партии, и в течение некоторого времени был социал-демократическим представителем общины в Шлаге. Там меня арестовали 28 мая 1945 года и при этом страшно избили. Эти истязания продолжились через несколько дней в лагере Райхенау. При этом многих из арестованных со мной моих немецких товарищей избили буквально до смерти. У многих выбили зубы или сломали носовую кость. Один лишился глаза в результате истязаний. После таких избиений нас практически нельзя было узнать».

Полуеврейка ограблена

Ида Бернт: «При выселении в Троппау, после того как у меня, как и у всех других, уже отобрали все, у меня с руки еще сняли мои никелевые наручные часы. Когда я указала на то, что я как полуеврейка могла бы, все же, по крайней мере, сохранить право на никелевые часы, мне ответили: 'Мы рассматриваем евреев не по расе, а по языку'.

(Т.е. для чехов немецкоязычные евреи считались немцами и с ними обращались как с немцами. – прим. перев.)

Мне дали на подпись какую-то бумагу на чешском языке, которую я должна была подписать, хотя и не понимала ее содержание».

Немцы только как рабы

Иоганн Фойерер: «У меня есть удостоверение антифашиста, и у меня было бы право взять с собой неограниченный багаж для меня и моей семьи. Все же при контроле багажа в лагере для выселения в Бёмиш-Круммау у меня отобрали пару полуботинок и пару валенок моей дочери, ковер и немного материала для ремонта обуви, я по профессии сапожник. Вещи были отобраны также у других антифашистов. У антифашистов есть возможность остаться в ЧСР. Но никто не использует эту возможность, так как для немцев там есть возможность использоваться только в качестве рабов».

Социалисты избиты

Рихард Штанке: «Я всегда был членом социал-демократической организации и никогда не был членом НСДАП. Поэтому я в мае 1945 года получил от руководства немецкой социал-демократической партии партийное удостоверение. В июле прошлого года меня остановил на улице жандарм, который потребовал у меня удостоверение. Я отказался дать ему этот документ, так как, по моему мнению, у него не было права требовать его у меня. Тогда жандарм отвел меня в отделение жандармерии и там жестоко меня избил. Он шесть или восемь раз

ударил меня кулаком по голове, вырвал у меня из кармана удостоверение и порвал его. У меня 14 дней была распухшая голова и опухшие глаза».

Лео Циммерманн: «Я всегда был членом социал-демократической партии и также был уполномоченным лицом в профсоюзе. Все же меня арестовали 28 мая 1945 года и жестоко избили. Эти истязания происходили в Оттавице в здании местного самоуправления, и в доме Целиуса, и в отделении уголовной полиции и в суде в Карлсбаде, при этом мне два раза сломали носовую кость и выбили два зуба. В Нойролау меня затем держали в заключении до Рождества и оттуда потом отправили в Брюкс для работы в лагерь. Питание целые месяцы было очень плохим, например, семь недель подряд мы, 480 человек, жили одним супом, в котором для всех вместе варились три килограмма кислой капусты! Хлеб вообще не выдавался семь недель, затем 48 мужчин получали ежедневно только один килограмм хлеба на всех. Каждый день множество людей умирало от истощения.

Узники камеры 14 в суде в Карлсбаде получали ежедневно от 200 до 300 ударов. Организатором этих избиений был чех Калабек. Мою жену с детьми полностью ограбили и выгнали из квартиры, она должна была буквально нищенствовать. Мой багаж при выселении и близко не достигает допустимого веса и состоит только из собранных попрошайничеством вещей».

(Примечание Scriptorium 2)

Счет Лидице

После этих вызывающих ужас рассказов, которые большей частью были подписаны собственными фамилиями теми людьми, которые готовы присягнуть в истинности своих показаний перед любым судом, вряд ли можно сказать что-нибудь еще.

Никто не может отрицать эти ужасные происшествия.

Никто не может сделать тысячекратные преступления самого подлого и самого гнусного вида не произошедшими, и никто не может оживить мертвых.

Вышеуказанные доказательства в первый раз попробовали представить общий обзор драмы судетских немцев, которая, как уже констатировал один намного более видный человек, была в то же самое время страшной драмой всей чешской нации, и найти, прежде всего, политический и моральный анализ причин, по которым произошел этот массовый ужас.

Но события в Судетах – это не только драма судетских немцев и чехов, они также в большой степени драма сегодняшних сильных мира сего. Это они в

Потсдаме в 1945 году дали согласие на официальное «переселение» этнических немцев, они позволили обмануть себя с помощью уже описанных выше шулерских трюков Бенеша и официально санкционировали «переселение судетских немцев». Эта книга обращается в первую очередь к ним. Она должна показать союзникам, какие последствия были у тех роковых решений.

Руководитель чехословацкого ведомства по возвращению собственности Крейса заявил агентству «Ассошиэтед Пресс» в Брюксе 24 октября 1949 года, что «судетские немцы не должны и думать о том, что Германия когда-либо снова будет владеть Судетами. Законное право собственности на здания, которые некогда принадлежали высланным немцам, принадлежит новым поселенцам».

Это совершенно излишняя констатация, похоже, была высказана для того, чтобы рассеять снова и снова возникающие слухи о немецких претензиях в становящемся все более неуверенным чешском народе. Понятными эти официальные слова становятся благодаря официальному заявлению чешских властей о том, что оставленное в ЧСР ценное имущество изгнанных судетских немцев без возмещения стоит 19,44 миллиарда долларов. Таким образом, чехи противозаконно отняли у изгнанных судетских немцев сумму, которая равнялась бы всей помощи по Плану Маршалла для всей Европы на четыре полных года.

Чем больше похищенная сумма, тем более неуверенно чувствует себя вор. Отсюда много слов о защите от «агрессии», и отсюда повторяющиеся снова и снова во всех выступлениях ответственных министров и политиков, в прессе и радио в ЧСР слова о «немецкой опасности».

Но немецкой опасности в этом чешском понимании не существует, но, пожалуй, есть кое-что, из-за чего чехи не могут успокоиться: их собственная нечистая совесть.

Через четыре года после катастрофы в ЧСР самые серьезные представители судетских немцев собрались в Европе в немецком епископском городе Айхштетте и совещались о положении их племени. Среди них были такие люди, как Шютц, которые работают в католическом ХСС, как Райцнер, которые нашли дорогу к СДПГ, а также судетско-немецкий социалист Венцель Якш. В своей «Айхштеттской декларации», которая может считаться итогом политической дискуссии 1949 года, они рассматривали сегодняшние проблемы. И они в своих протоколах констатировали:

«Общий духовный кризис нашего века обострился в Центральной Европе из-за неудачных государственно-политических конструкций. Здесь тоталитарным странам открылись дополнительные возможности схематического применения

западноевропейского понятия национального государства к органически выросшим международным общностям. С насильственным переселением и изгнанием целых этнических групп этот абсурд был доведен до апогея. Процессы после 1945 года опровергли тезис, что навязанное силой национальное единство центральноевропейских государств гарантировало бы длительное сохранение мира во всем мире. Наоборот, изгнание уничтожило самостоятельность изгонявших государств и открыло восточному тоталитаризму путь на запад. Сегодня пока еще слишком мало осознается тот факт, что рука об руку с идеологическим наступлением большевизма идет и империалистический панславистский натиск на запад. Это самое тяжелое нарушение европейского равновесия со времен великого переселения народов угрожает всему европейскому Западу сильным перевесом Востока и Азии. Без активного вмешательства Америки катастрофа Западной Европы уже свершилась бы...»

В борьбе за право Европы на самоопределение декларация далее описывает позицию судетских немцев:

«Мы не желаем, чтобы распространению этого понимания помешали коллективные обвинения против чешского или польского народа. Мы, судетские немцы, хотим не возмездия, а справедливости. Как бы сильно стихийное правосознание ни требовало судебного наказания криминальных поступков, мы вовсе не хотим способствовать тому, чтобы из-за страха этих народов перед коллективной мстостью задержалось их освобождение от коммунистических диктаторов...»

Потому что и судьбу судетских немцев тоже нужно включить «в большую борьбу за христианско-гуманистическое возрождение Европы».

Эта книга не должна заканчиваться без четкого счета, понятного для каждого человека. Пусть он будет из солнечных полей Калифорнии, из рабочих кварталов Бирмингема, из лекционных залов парижской Сорбонны, из мнимой безопасности нейтральных сейчас стран, или из степей Востока. Этот человек должен понять этот счет.

Этот счет должен в такой же малой степени извинить ужас гиммлеровского Лидице, как и использовать ужас второго Лидице как предлог для реванша. Но этот ясный и однозначный счет должен помешать исказить правду, превращая ее в свою противоположность.

Лидице, поселок под Кладно, где по самым высоким оценкам было расстреляно 184 мужчины, 135 женщин были отправлены в концлагерь, а дети увезены в детские дома.

«Другое Лидице», в котором были лишены прав 3 000 000 человек. Этим людей унижали хуже, чем зверей, их грабили, пытали, обращались с ними так

жестоко, что они сходили с ума, и, наконец, сотни тысяч были убиты, и оставшиеся в живых без всего имущества были изгнаны на чужбину.

Надо надеяться, что у мира хватит мужества принять к сведению этот счет.

Он не проповедует «око за око, зуб за зуб, кровь за кровь».

Он не требует от мира ничего, кроме справедливости.

Так как без веры в справедливость не может больше быть веры в мир и в жизнь.

Примечания Scriptorium:

1. «...приказали бросить в могилу еще двух застреленных собак...»

Мы предполагаем, что автор здесь, пожалуй, действует скорее по принципу «приписывать другим свои собственные преступления». Притягательность использования мертвых собак для поношения трупов жертв убийства кажется именно у восточных народов вообще красной нитью, но зато мы не знаем ни одного случая, когда такое кощунство, как доказано, было бы действительно совершено немцами.

В действительности есть (особенно в литературе о послевоенных преступлениях по отношению к немцам) многочисленные места, которые описывают как раз эту процедуру – однако, речь там идет о поступках, совершенных чехами и поляками против немцев. В литературе об изгнании судетских немцев в 1945 это обстоятельство упоминается неоднократно – например, в книге Ingomar Pust, *Schreie aus der Hölle ungehört*. Что касается этого вида осквернения трупов со стороны поляков, то мы можем указать на соответствующее место в книге «Смерть в Польше».

2. Мы не можем не привести здесь два сравнения, чтобы показать эти сообщения в правильной перспективе.

#1: В концлагере Майданек, «печально известном нацистском лагере смерти» в Польше, в котором якобы такая неистовая к уничтожению национал-социалистическая оккупационная власть стремилась искоренить как можно больше заключенных (в большинстве случаев поляков и евреев), ситуация описывается одним польским информатором следующим образом:

«Баракы [в которых жили арестанты – Scriptorium] довольно продуваемы; для отопления установлены четыре маленькие печки из железа, все же, выдаваемого топлива настолько мало, что его хватает, самое большее, на то, чтобы

топить по три часа в день. Супы привозят в герметично закрываемых котлах, так что они не остывают. ... Продовольственное снабжение было ранее довольно скудное, но недавно оно улучшилось. Оно более высокого качества чем, например, оно было в 1940 году в лагерях военнопленных. Утром заключенные получают примерно в шесть часов утра пол-литра супа с перловой крупой (два дня в неделю давали травяной чай с мятным вкусом). На обед в 13 часов выдается пол-литра действительно питательного супа, даже приправленного жиром или мукой. Ужин происходит в 17 часов и состоит из 200 граммов хлеба с намазываемым продуктом (джем, сыр или маргарин, дважды в неделю 200 граммов колбасы), а также пол-литра супа из перловой крупы или супа из муки не очищенного картофеля. Картошка, кстати, выдается еще и отдельно, по паре картофелин на каждого человека».

Сообщение, из которого взяты эти отрывки, датируется началом 1943 года, временем, когда уничтожение якобы шло полным ходом. Не останавливаясь здесь на том, насколько предоставление печек и топлива для них и тем более совсем не плохое питание соотносятся с целью предполагаемого «лагеря смерти», мы задаем только один вопрос: как эту ситуацию можно сравнить с обстоятельствами, от которых должны были страдать наши судетские немцы? Что отдали бы эти замученные, умирающие с голоду, полузамерзшие люди за печку и достаточное количество топлива, чтобы топить эту печку несколько часов в день, или за хлеб с намазываемым продуктом и за «действительно питательный» горячий суп, который лагерное начальство заботливо привозило в бараки в герметично закрываемых котлах, чтобы суп не остыл?!

Скажем еще более четко: как можно сравнить положение в чешских послевоенных лагерях с положением в этом пользующемся дурной славой «нацистском лагере смерти», который был частью национал-социалистического «преступления *non plus ultra*» (как это называют сегодняшние апостолы «перевоспитания»)?

Источник цитаты: Сообщение размещившегося в Лондоне польского эмигрантского правительства «*Delegatura*», цитируется у Krystyna Marczevska и Wladyslaw Wazniewski, «*Oboz koncentracyjny na Majdanku w swietle akt Delegatury Rzadu RP na Kraj*», в: *Zeszyty Majdanka VII*, 1973, стр. 164-241. Здесь цитируется по: Jürgen Graf und Carlo Mattogno, *KL Majdanek. Eine historische und technische Studie*, Großbritannien: Castle Hill Publisher 1998, стр. 166-167. Мы подчеркиваем то, что первоначальный информатор, а также оба автора этой статьи были поляками, так что у них не было причин приукрашивать ситуацию в «лагере смерти» Майданек.

#2: Это красноречивое соотношение мы находим также у других держав-победительниц и других национал-социалистических «лагерях смерти». Так мы читаем, например, в книге Вольфганга Поппа «Горе побежденным» (*Wehe den*

Besiegten! Versuch einer Bilanz der Folgen des Zweiten Weltkrieges für das deutsche Volk, von Wolfgang Popp) на стр. 291:

«... только в западных оккупационных зонах между 1946 и 1950 годами примерно 5,7 миллиона человек умерли от голода или от косвенных последствий голода, таких как повышенная смертность грудных детей и вызванные голодом болезни, т.е. более чем на 4 миллиона больше, чем умерло немцев и австрийцев из-за голодной блокады союзников против Германии и Австрии после Первой мировой войны! Слепая ненависть не позволяла отправить в страну уже подготовленные пожертвования и благотворительные поставки с продуктами. Самое худшее положение с продовольствием было в 1947 году, когда официальное распределение калорий упало ниже минимального необходимого для жизни уровня, и миллионы человек страдали от настоящего голода... Так официальный рацион продуктов во французской оккупационной зоне составлял, например, в январе 1947 года только 450 калорий в день, что соответствовало примерно половине обычного рациона в немецком концентрационном лагере Берген-Бельзен во время войны».

Любой дальнейший комментарий был бы здесь излишним!

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).